

ЭДУАРД ВЕРКИН

ХРОНИКА СТРАНЫ МЕЧТЫ

КОШКИ ХОДЯТ
ПОПЕРЁК

Хроника Страны Мечты

Эдуард Веркин

Кошки ходят поперек

«ЭКСМО»

Веркин Э. Н.

Кошки ходят поперек / Э. Н. Веркин — «Эксмо», — (Хроника Страны Мечты)

В самом обычном городе, в самом обычном музее, на самой обычной полке хранится то, что может изменить судьбу мира. В самом обычном городе, в самой обычной школе самые обычные ребята собираются в самый обычный музей. Потому что там, на самой обычной полке, хранится самое необычное, что есть в этом мире. Там хранится самый последний дракон. Если кормить его мясом и поить кровью, из него получится убийца. Если яблоками и мюсли – вырастет друг. Но и в том и в другом случае дракон – пропуск в Страну Мечты. Которая существует на самом деле...

© Веркин Э. Н.

© Эксмо

Содержание

Не совсем пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	44
Глава 6	53
Глава 7	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Эдуард Веркин

Кошки ходят поперёк

Не совсем пролог

Я чуть не умер. Мне было восемь лет, а я уже чуть не умер.

Мы жили тогда совсем плохо, в одном северном городе, в бараке, недалеко от угольного террикона. Зимой было холодно, а в мае пол заливала вода, и по комнате можно было запускать пароходы из газет или лодочки разные. Правда, тогда я был совсем еще мелкий, в *пароходах* не смыслил, зато очень хотел крокодила. Отец тогда как раз купил цветной телевизор, и я посмотрел тот самый мультик, после чего очень захотел крокодила. У парня из другого конца барака был, бабушка привезла ему из Болгарии.

А я страдал от бескрокодилья, мучился и мучился.

Но раздобыть рептилию нигде не удавалось – отец сказал, что их вроде как сняли давно с производства, но потом тетя Люба, знакомая матери, нам его принесла.

Крокодил был не новый, подержанный, но в хорошем состоянии. Сделан в далеком 1984 году из толстой зеленой пластмассы, руки-ноги-голова-хвост и даже глаза вертелись в разные стороны. Почему-то рукав на правой лапе был ярко-морковного цвета, этакая красная рука, тогда как левый рукав бело-розовым. Может, крокодил лежал на солнце, а может, еще что-то там с ним произошло, и он выцвел.

Глаза крокодил имел большие и желтые, если хорошенько нажать на живот, эти глаза выскакивали и катились под диван.

Шляпы не было, видимо, она потерялась раньше, вместе с гармошкой – о былом наличии этих предметов свидетельствовали дырки на крокодильих ладонях и крокодилем темечке. Я зачем-то вставлял в дырки спички, они проваливались и гремели в пластиковом нутре, звук получался смешной, шепотливый какой-то.

Крокодил очень скоро оказался забит спичками под завязку.

А шляпу мать потом сшила из кожаных лоскутков, вырезанных из старых ботинок. В результате этой операции ящер приобрел гангстерский вид, автомата Томпсона под мышкой только не хватало.

Крокодил был велик. Я так любил его, что решился на святотатство – накалил гвоздь и выплавил сзади как раз под воротником свое имя.

Женя Кокосов.

Чтобы никто не украл.

Велик был крокодил. Теперь таких не достать, теперь все крокодилы какие-то ненастоящие, со слащавым китайским прищуром. Как уже говорилось, я был в восторге и спал с крокодилом в обнимку, хотя он был достаточно жестким и почему-то пах марганцовкой.

Потом я узнал, почему он пах марганцовкой.

Тетя Люба шла по улице и увидела старушку. Старушка продавала игрушки – кубики, машинки, разное, короче. Игрушки были старые, поигранные, и крокодил в том числе. Старушка сказала, что недавно закрыли детское отделение при женской тюрьме, детей распределили по другим местам, а игрушки раздали бывшим сотрудникам. Старушка там нянечкой работала, ее собственные внуки уже выросли, а выбрасывать было жалко. Старушка помыла игрушки в дезрастворе и стала продавать.

Так тетя Люба купила мне крокодила.

Эта история меня потрясла. Я весьма смутно представлял, что такое тюрьма, в основном по мультикам и кинофильмам. И уж никак я не мог представить, что в тюрьме зачем-то содер-

жат еще и маленьких детей. Я представил, как они лежат в зарешеченных люльках и играют в зарешеченных манежах. Это было тяжело, даже представлять тяжело. Потом я подумал, что моим крокодилом тоже играл какой-нибудь маленький узник, и от этого делалось еще невыносимее. Я шарахался от крокодила, наверное, неделю, я боялся его. А потом полюбил еще сильнее. У него была своя история, и от этого он мне казался чуть ли не живым, что ли.

Как-то раз, мы тогда жили уже не на Севере и вообще жили гораздо лучше, чем раньше, мать собирала игрушки для детей из детского дома. Она до сих пор чего-то собирает, чаще всего письменные принадлежности, старую одежду, старые книжки – в помощь неимущим ребятам. Ну, вот игрушки тоже. Я хотел отдать старые машинки и уже собрал их целую коробку, но отец посмотрел на все это и сказал, что надо добавить крокодила.

Я злился, наверное, два дня. Но отец сказал.

Когда-то тебе достался крокодил. Ты жил с ним несколько лет, засыпал с ним, играл с ним. А у других детей этого не было. И сейчас нет. У них вообще ничего нет, они очень тупо живут, безрадостно, не будь задницей.

Я снова представил. Только теперь маленьких детей, которые спят в одинаковых постелях с одинаковыми одеялами, на обед едят макароны с таким, а игрушек у них совсем не имеется, – и крокодила отдал.

Потому что это было правильно.

Только мне не хотелось, чтобы мой крокодил лежал вместе с остальными подарками, в скучных коробках из-под телевизоров. Эти коробки хранились у нас в гараже. В японских телевизорах хранились растрепанные книжки, в немецких – старые курточки и штаны, в корейских – игрушки. В большинстве своем мягкие – щедрый дар одной фирмы из соседней области. Впрочем, были и нормальные: в одной коробке я обнаружил электрический конструктор, в другой автомобильчик на дистанционном управлении, правда, без левого переднего колеса. Все коробки были забиты под завязку, но с помощью чудес перекладывания и вталкивания я выкроил место для своего крокодила. Я отыскал хорошую коробку от кроссовок, набил ее мятой бумагой, поместил крокодила туда и собственноручно погрузил в угол, между нелепым синим львом и стопкой сдутых футбольных мячей со следами бутс.

Спал в ту ночь я плохо. Мне все время казалось, что ему как-то нехорошо рядом с футбольными мячами, я все хотел спуститься в гараж и проверить, но начался дождь, и выходить на улицу мне не захотелось. А когда я побежал туда утром, оказалось, что коробки уже увезли.

Это меня очень неприятно удивило, можно сказать, разочаровало в жизни. Нет, я уже распростился со своим крокодилом, но мне хотелось посмотреть на него в последний раз, а оказалось, что это невозможно.

Коробки увезли.

Я тупо бродил по гаражу, искал чего-то, перебирал какие-то свечи зажигания и фильтры в блестящих упаковках, потом увидел книжку. Вернее, даже не книжку, а ее часть. Страницы с семнадцатой по пятьдесят третью. Ни обложки, ни названия, ни автора, вообще ничего. Бумага плохая, буквы косоватые, но не самодельная, самопал всегда видно. Скорее всего она вывалилась из коробки с японскими телевизорами. Я был тогда так расстроен, что уселся на крышечку и принялся читать, хотя раньше ничего почти не читал, даже сказки. В моем классе многие уже читали всякую там литературу, а я тогда не читал совсем. А эту вот книжку я вдруг стал читать, начала не было, а я стал читать. Сидел в крышечке и читал.

В книжке рассказывалось про одну девчонку, которая очутилась в какой-то невиданной стране. В этой стране вроде как осуществлялись все желания, даже не самые причудливые. Над мозгами там никто не стоял, а хулиганам можно было легко навесить. Хорошо, короче, было и привольно. Там были еще разные приключения и опасности, все стреляли и на конях скакали, мне понравилось, а на сорок восьмой странице указывалось три способа, с помощью которых можно было бы попасть в эту самую страну. Мне понравился второй. Меня все это

так захватило, что я читал до вечера, а к утру с помощью некоторых химических препаратов изготовил смесь...

Короче, все очень сильно взорвалось.

С тех пор я стал гораздо, гораздо умнее.

А вообще, конечно, это история про лю, если кто еще знает, что это такое.

Глава 1

День Дурака

Кокосов Евгений Валентинович, четырнадцать лет, учащаяся молодежь, рост 165, вес пятьдесят два кэгэ, это я, собственной персоной, эсквайр.

Наш дом на улице Маслобойникова, это на самой окраине, а раньше вообще было за городской чертой, дальше только трамвайная линия. А сейчас уже в черте. Но район престижный. Три километра от почтового отделения, восемьсот километров от Москвы, мать хотела жить в Москве, ходить в театр. Или в консерваторию, моя мать любит романсы. Про весну, неповторимую и давно позабытую, которая прошла и не воротится никогда. Короче, морковь последняя чиста, а мир починит красота, это хорошо идет под ананасы в сиропе.

Кстати, о весне.

Настоящая весна начинается первого апреля, в День дурака. В это можно не верить, но это действительно так. Первого апреля, именно. Все, что до, это еще зима, а с первого апреля уже как надо. Грачи прилетели.

Первого апреля, в День дурака, я наблюдал за последней сосулькой. Сосулька растянута почти на метр, стала похожа на копье, потом оборвалась, хлопнулась о черепицу гаража и разлетелась на прозрачные кругляшки. Я выбрался на улицу и обнаружил, что кругляшки исчезли, испарились под солнцем. Это была последняя сосулька. Сосулек уже давно нигде не висело, почти месяц, а тут вот, объявилась.

Весна, типа, пришла. Что-то рано в этом году. И зимы толком не было, и весна раньше чуть ли не на месяц разгулялась. Погода самая теплая за последние сто пятьдесят восемь лет, уже в середине марта полезла мать-и-мачеха, а в конце месяца так и трава даже.

Но это не радовало. Не люблю весну, гнусное время. Как ни крути, а весной начинаешь чего-то ждать. Это оттого, что все вокруг тоже чего-то ждут. Загарного солнца, мороженой клюквы, подснежников, наступления рыболовного сезона, кто как. Все ждут – и ты ждешь. Ждешь-ждешь, а ничего не происходит. Весна – лживая девчонка, каждый год водит тебя за нос.

Поэтому я весну и не люблю. Если раннюю весну еще как-то можно терпеть, то весна повсеместно зеленая – это сплошное затяжное уныние. Поэтому, когда хлопнулась сосулька, я загрустил. День не задался.

Я отдыхал в шезлонге на веранде, поставил на рэндом флэшник, слушал по кругу песню про странные происшествия на мексиканской границе и про призрачный отель, в который раз въедешь, а потом уже и не выедешь. Сколько ни старайся. В духе С. Кинга песенка, жутковатая. Как раз для весеннего настроения.

Я прослушал песенку уже три раза, как на веранде соседнего дома появился соседский мальчишка. Малолетний хулиган и брутал Алик Окинин по прозвищу Окиша. Окиша был совсем еще юн, ходил в третий класс, но уже сейчас ему прочили большое будущее гопниковского короля. Окиша вредил всему живому, находившемуся в границах его гнусной досягаемости.

Сейчас в пределах его досягаемости находился я. Окиша вытащил на балкон большое овальное зеркало и принялся пускать в меня зайчиков. Сначала я терпел, поскольку прекрасно знал, что у Окиши пока еще нет главного качества подлинного хулигана – терпения. Знал, что, если не подавать виду, Окише быстро надоест хулиганствовать, и он отправится мучить своего толстого сибирского кота, кастрата и такого же человеконенавистника, как сам Окиша.

Окише и в самом деле быстро надоело пускать обычных зайчиков. Он удалился, а через минуту появился с приспособлением. Я подивился зверской Окишиной изобретательности.

Окиша поставил перед зеркалом вращающийся круг с дырками, запустил его, и солнечные зайчики теперь пулялись в меня с раздражающим мельтешением.

Это было тяжело, я скрипел от ярости. Перед глазами плясали бешеные солнечные пятна, но я был все-таки непробиваем. Могуч был я.

Тогда Окиша пустил в ход тяжелую артиллерию. Он оставил свою солнечную активность, остановил круг и унес зеркало. Зато принес виолончель.

Виолончели я вынести не мог. Вообще Окиша играл довольно неплохо, так как занимался в музыкальной школе и даже входил в состав подросткового струнного квартета. Но сейчас Окиша играл нарочно скверно. Даже не играл – пилил смычком по струнам, рождая безумные дребезжащие звуки, от которых у меня начинала чесаться голова и здорово ныли руки.

Я не выдержал и скрылся в доме. Под торжествующий смех Окиши. Впрочем, я не собирался сдаваться. Я даже собирался отомстить за испохабленное начало дня. Быстро сбегал за пейнтбольным ружьем старого, вышел с другой стороны коттеджа, прокрался с пластиковой лестницей вдоль забора, вскарабкался наверх.

Окиша настырно терзал инструмент. Повернувшись ко мне худой хулиганской спиной, весь во власти деструктивного вдохновения.

– Эй, Ростропович! – позвал я.

Окиша перестал пилить и боязливо съежился, выставив в небо острые лопатки. Я прицелился и выпустил в эти вражеские лопатки длинную сладостную очередь.

Желатиновые шарики с хлопаньем разбивались о спину Окиши, оставляя на ней большие разноцветные кляксы. При каждом попадании Окиша вздрагивал и втягивал в плечи голову. Я кровожадно улыбался.

Шарики кончились, ружье плюнулось воздухом, я опустил оружие.

Окиша встал, осторожно, даже бережно прислонил виолончель к стулу, потом разразился диким болезненным ревом. Побежал в дом.

– Музыка, – сказал я сам себе. – Парю, парю, как сладостно, однако, крапива...

После чего снова устроился в кресле. Насладиться тишиной, насладиться прохладой.

Через минуту на веранде соседского дома появился отец Окиши. Я продолжал нагло сидеть в шезлонге. Отец Окиши был в прямом подчинении у старого, и я прекрасно понимал, что ругать меня не будут. В соответствии с неписаной корпоративной этикой.

Окинин-олд поднял виолончель, внимательно ее осмотрел, буркнул что-то неприветливое и удалился к себе.

Я оставался в шезлонге.

В три часа с работы вернулся старый.

Старый разогрел в микроволновке дрянбургер и, вгрызаясь зубами в холестерольную котлету, рассказал о происшествии, имевшем место сегодня у них в аэропорту. Ровно в половине первого над летным полем зависли летающие блюдца, числом три штуки. Блюдца совершили противозенитный маневр, отстрелялись тепловыми ракетами и приземлились прямо перед зданием аэровокзала с приветственными сигнальными огнями.

Я слушал, отвалив челюсть, а когда старый принялся рассказывать, как по трапу принялись сходить инопланетяне, ликом зеленые, но в цилиндрах и смокингах, я засомневался. А как дошло дело до потчевания зеленых хлебом-солью, так я засомневался еще сильнее.

Тут-то старый рассмеялся и сказал, что сегодня первое апреля, а первого апреля просто необходимо кого-нибудь обмануть.

Пусть даже родного сына.

Иначе не будет удачи. Я согласно покивал и сказал, что удачи и так нет, весна тупо ранняя, озимые померзнут, не взойдет зябь, случится голод. К тому же не далее как вчера учредительный совет Лицея поднял плату за обучение в пять с половиной раз, причем вносить ее

надо не постепенно и безналом, а сразу и кэшем, а кто не внесет плату, тот будет незамедлительно отчислен как собака...

Старый вскочил и завопил, что в договоре предусматривается повышение платы не более чем на двенадцать процентов в год, что он затаскает учредительный совет по судам, что в стране все-таки остались законы, а он законы хорошо знает...

Я рассмеялся и сказал, что сегодня первое апреля, а первого апреля просто необходимо кого-нибудь обмануть.

Пусть хоть родного отца.

Иначе удачи не будет.

Старый промолчал. Сжал дрянбургер, наружу выскочил салат, кружок помидора, маринованный лук, корнишоны, соус капнул.

Мощная кисть, ничего не скажешь.

– Чего, по-нормальному нельзя? – Старый сбросил бутербродную кашу в урну. – Нельзя без борзот?

– Без каких борзот-то? – сказал я.

Мне совсем не хотелось ругаться сегодня, сегодня и так был трудный день.

– Ты не ходил на учебу... – Старый стал припоминать.

Я обмакнул палец в соус и стал рисовать на столе букву «Г».

– Ты не ходил на учебу две недели, – закончил отец. – А, между прочим, я за нее плачу...

Ну вот, опять началось. Я плачу за твою учебу, в твои годы твой дед командовал эскадрилей... И между прочим, я проболел вовсе не две недели, а гораздо меньше, двенадцать дней. И при всем при том я не какая-то глупая сволочь, я знаю, чего хочу от жизни.

Я хочу стать летчиком.

Это не романтика, не киношная глупость, это династия. Мой дед был летчиком, во время войны гонял на «Ил-2», летающем танке. Отец хотел стать летчиком, но зрение подвело, и он стал юристом. Но работал все равно в летчицкой отрасли – в частной авиакомпании «Джет-авиа».

К тому же летчики неплохо получают. Особенно если куда-нибудь в Бруней устроиться, к шейхам. Там даже машину летчикам бесплатно выдают.

– Я же по уважительной причине не ходил, – сказал я. – У меня вегетососудистая дистония. Возрастная.

Это было вранье.

– Завалишь экзамены – просить не пойду. – Старый с демонстративным лицом принялся мыть руки. – Можешь даже не рассчитывать. Дядя Сеня, тот который в Москве, мог бы взять тебя в свою фирму на практику. Учился бы и работал одновременно. А потом он бы тебя пристроил в академию. Тебе надо думать о будущем.

– А я думаю о будущем, – сказал я. – Все время думаю. И уже договорился с Носовым...

– На визажистов учиться, что ли, пойдете? – с презрением спросил старый.

– Да нет. В конно-балетную академию двинем, у Носова там кузен работает. Старшим коннобалетчиком...

Люблю позлить старого. Когда старый злится, он похож на человека.

– Коннобалетчиком, говоришь...

Старый хотел сказать еще что-то, скорее всего, непристойность какую, но плюнул и ушел к себе наверх. Сначала лупил по груше, затем обрушился на диван и врубил своих дебильных «Бомбардировщиков». Старый, а такую плесень слушает. Да ладно...

Я тоже плюнул и ушел в трубу, вставил в уши американские беруши, стал читать «Краткую историю времени»¹, а между чтением все думал, как собака. Думал, что весна начинается просто изумительно, впрочем, как и любая весна, весной может случиться разное.

Хотя, если честно, предчувствий у меня никаких не было, ни плохих, ни хороших.

¹ Книга американского астронома С. Хокинга.

Глава 2

Стратегия вечера

Этим же вечером я отправился в кафе «Беризка» и встретил там Исидора Шнобеля, в миру Игоря Носова, Шнобелем называл его я. Селфмэйдмана, человека, помешанного на общем продвиге, всевозможном кутюре, прет-а-порте и дизайне одежды. Встреча наша была запланирована еще два дня назад, но при встрече Шнобель и я приняли случайный вид.

Короче, приятели дружески удивились, устроились за столиком в центре зала и заказали шоколад, сок и газировку.

Стали отдыхать, как собаки.

Я отдыхал спокойно. Цедил клюквенный сок с колотым льдом, пил кипящий в специальных стаканах мятный чай, пробовал бразильский мате в деревянных шарах, тут их неправильно называли колбасами. Мате разлагал в сосудах холестерол, но по вкусу был похож на вареные лапти, понятно, почему в Бразилии кризис. Но мате – это руль и дрожало, у нас все его пьют. Мате, мохито, буррито, только это делает человека человеком, блин, меня блевать тянет от «Бентли»...

Формат.

Шнобель отдыхал активно. Разглядывал девушек, пулялся в них скатанными из шоколада шариками, показывал язык и вообще веселился. Привлекал внимание. Девушек было много разных, было к чему привязаться. Шнобель и не терялся. Меня это немного раздражало, но делать было нечего, такова была стратегия вечера.

Через час развлечений мы начали продвигать наш план. Шнобель наметил жертву. С оригинальностями в прическе. Он дождался, пока красавица с гиперкосичками потрясется мимо, поморщился, помахал перед носом рукой, послал вслед:

– Волоса-то и мыть иногда надо, евдолдosta безглазая!

Девушка обернулась и несколькими скупыми, но точными жестами послала Шнобеля куда-то в район засилья беспощадной русской народной фольклористики.

– Что за хамье тут все время толчется, – громко и сокрушенно сказал Шнобель. – Приличному человеку посидеть даже несподручно, обязательно облают. Мадагаскар какой-то, тьма, скажи, Кокос?

– Ну да, – притворно зевнул я, – ну да...

– Только хотел к сути процесса перейти, как все мысли сбила... Такие косы во всем мире уже сто лет не носят, с тех пор как Боб Марли² отвинтился... Село!

Девушка, которая удалилась уже достаточно далеко, про село услышала, обернулась и сказала в ответ:

– Сам село!

– Какие у нас локаторы! Может, обрезалку подарить?

– Баклан безносый, – ответила девушка.

Не в формате, года в полтора с отставанием. Шнобель исчерпал велизвучные аргументы и просто показал девушке язык. Та ответила ему несимметрично, поскольку язык у нее был пробит в трех местах серебряными булавами.

Шнобель в сердцах плюнул на пол и сказал уже тихо:

– Ладно, значит, так, значит, вот, вчера недорассказал. Тогда он взял Дрона за душу и...

– Как взял?

² Исполнитель музыки в стиле регги.

– Да вот так, двумя пальцами, как щенка за гланды. Взял двумя пальцами и зашвырнул в тренерскую. Знаешь, какие у него пальцы? Железные. Он на них стоять может.

– На пальцах?

– Угу. Как монахи в Шаолине. Ты знаешь, как в Шаолине экзамен проходит?

– Не...

– Слушай же, иван. Каждый монах должен простоять на двух пальцах от рассвета до заката. И все это время его быют по почкам нунчаками, а на темечко льют уксус, смешанный с муравьиным спиртом. Только простояв целый день на пальцах, шаолинец считается настоящим воином, так вот... Автол взял Дрона, затащил в тренерскую и привязал к раскладушке ремнями из воловьей кожи. Кстати, у меня из воловьей кожи есть классный куртак...

– К какой раскладушке, там же нет никакой раскладушки?

– Ну, не к раскладушке, к этой, лежанке. Видел, наверное, там в углу такая стоит. На ней баскеты обычно пылятся...

– Ну, видел. А дальше что?

– Что, что, снял с Дрона кеды, взял чертягу и отлупил его по пяткам. По пяткам, иван, знаешь как больно!

Шнобель поежился. Будто это не Дрона отлупили по пяткам, а его.

– Отлупил так, что потом Дрон два дня на цыпочках бегал... Смешно.

Шнобель поглядел в чашку. Шоколада больше не было.

– Что тут за обычаи такие? – поморщился он. – Как в... не знаю где. Шоколада от них не дождеся, блин...

Шнобель очень любил шоколад. И, невзирая на угрозу прыщей, поглощал его в значительных количествах. Причем во всех видах. В виде шоколадных хлопьев, в виде шоколадного молока, шоколадных батончиков, шоколада из морозилки, шоколада горячего. Шнобелю даже фляжку специальную подарили на день рождения, для шоколада и для какао, чтобы всегда иметь при себе запас того или другого. Фляжка была плоская, с большой звездой на боку, в правом верхнем углу выгравирована надпись:

«Дорогому другу Игорю Носову от соратников и товарищей по Лицею им. М.Е. Салтыкова-Щедрина».

Шнобель фляжку любил не меньше шоколада и всегда таскал с собой, во внутреннем пиджачном кармане, над сердцем. Когда его спрашивали, зачем он это делает, Шнобель отвечал, что на всякий случай. Вдруг шальная пуля? А у него в кармане фляжка.

Я к шоколаду был холоден, равнодушен, как готтентот к шелковым трусам, но часто слышал, что он стимулирует деятельность мозговых клеток. Если съесть в день фунт шоколада, то мозги будут работать в полтора раза быстрее – так говорил Илларион Водяника, чемпион мира по «Мозговой Атаке», а «Мозговую Атаку» я глядел регулярно. И Водянике доверял. Водяника выглядел умно, и у него совсем не было прыщей.

А еще я слышал, что шоколад способствует выработыванию гормона радости. И если есть каждый день много шоколада, то будешь счастлив.

Всегда, во всяком случае, регулярно счастлив.

Поэтому я против шоколада ничего не имел, хотя и был к нему равнодушен. К тому же в «Бериозке», развлекательном центре, в котором я и Шнобель висели в тот вечер, все остальные напитки были либо из категории «после 21 года», либо употреблять их было вообще невозможно. Без риска для жизни.

Безалкогольный коктейль «Чапаев» пах конским потом.

Безалкогольный коктейль «Гоа» пах гигиенически сомнительной фейхоа.

Фирменный безалкогольный коктейль «Дрова» пах дровами.

– Дрон на цыпочках бегал, – повторил Шнобель. – Как придурок какой-то.

– Подсечка, – сказал я. – Это называется подсечка. Берут додика, разрезают ему пятки, а в пятки сыплют мелко рубленную щетину. И заматывают скотчем. Пятки зарастают – и все. Так в Орде с пленными всегда делали.

– В какой Орде? – не понял Шнобель.

– В Золотой.

– Зачем?

– На цыпочках далеко не убежишь. А с щетиной в пятках только на цыпочках можно...

– А Дрон и не хотел никуда убегать, – сказал Шнобель. – У него шнурки на кедах не развязывались, и все. Разве можно бить человека, если у него не развязываются шнурки?

Я пожал плечами. У него имелась несколько другая версия истории с Дроном. По этой версии все было несколько не так. Дрон назвал Автола бараном. Причем при свидетелях. За оскорбление педагога наказание было только одно – исключение. И Дрон, почуяв, что серьезно попал, предложил Автолу решить все полюбовно. Автол выбрал линейкой по пяткам.

– Совсем Автол оборзел, – заключил Шнобель. – Надо что-то предпринять...

Он нервно крошил в пустую чашку сухарики. Вообще-то мы давно уже договорились что-то предпринять, а сейчас просто в очередной раз обсуждали давно задуманное, накручивали себя, чтобы не врезать задний ход.

– Надо что-то, иван, предпринять... – повторил Шнобель. – Ты же знаешь, что мы зачеты по физре не сдадим. А если не сдадим зачеты, то не будем допущены к экзаменам...

А если не сдадим экзамены, подумал я, то останемся на лето. На все долгое прекрасное лето. Будем тренироваться каждый день, как собаки. А осенью снова зачеты, и снова экзамены. А если завалишь экзамен еще и осенью, то все. Горох. Крапива. Тунгусский метеорит в затылок.

EXIT.

– А мы эти зачеты точно не сдадим, – закончил Шнобель. – Не сдадим.

Я был с этим согласен. Отчасти. А от другой части мне плевать было, а Автол вот только бесил, это да.

– Не знаю, как ты, Кокос, а я здесь, лично, все лето париться не собираюсь, – угрюмо сказал Шнобель. – Мои в Испанию собираются, меня здесь не прикалывает загорать...

– Меня тоже...

– Значит, надо действовать. По намеченному плану.

– Может, все-таки не будем? – шепотом спросил я. – Пойдем, типа, другим путем?

– Выхода нет, – вздохнул Шнобель. – И пути другого нет. Если бы можно было...

– А если через старых надавить? – предложил я. – Твой батрак не последний чел в городе, к нему прислушиваются...

– Да этот Автол ни к кому не прислушивается, он сам себе фишка. Помнишь Гольцова из восьмого?

– Ну, помню, кажется...

– А знаешь, где сейчас Гольцов?

Я пожал плечами.

– В техане сейчас Гольцов, – сказал Шнобель. – Учится на самоварщика широкого профиля. Автол сказал – мальчики должны подтягиваться восемь раз. А Гольцов всего пять подтягивается. А у Гольцова брат боксер, вот и говорит брат Гольцова самому Гольцову: давай я с Автолом поговорю в режиме спарринга. Этот дурик и согласился. Пошли они к Автолу, подождали, пока он из здания выйдет. Ну, брат-боксер плечи расправил, вышел весь такой перекатывающийся...

Шнобель изобразил брата Гольцова и его походку. Потом еще изобразил. Девушка с косичками прошла мимо нашего столика в очередной раз.

– Запала на меня, – шепнул мне Шнобель. – Эй, кочерга! Ты чего тут рычагами бликуешь? У меня уже в башке завихрения!

– Сам село, – ответила девушка, и Шнобель немедленно в ней разочаровался.

– В помойном бизнесе женскому шовинизму не место! – выдал он.

Девушка ответила неприличным жестом.

– Что за дура, – вздохнул он. – Какое всеобщее оскудение...

– Ты отвлекся от Гольцова, – сказал я. – Они поговорили?

– Можно так сказать. Брата Гольцова сразу на «Скорой помощи» увезли, а Гольцов сам сумел до дому добраться. Пешим строем. Теперь Гольцов самоварщик, а брат его больше боксом не занимается.

– А если баблоидов Автолу подкинуть? – предложил я. – Поговори со своим...

– Мой старпер жадный как китаец, – вздохнул Шнобель. – На взятку он денег не даст. Да и не берет Автол, он принципиальный.

– И не бедный, – добавил я.

– Это точно, – кивнул Шнобель и крикнул пробегающей официантке: – Эй, девушка, у нас весь шоколад остыл и вообще кончился, принесите!

Шнобель потряс своей фляжкой.

– Наполнить свежим какао! – повторил Шнобель. – Налить швейцарским молоком. Матка, быстро, быстро!

– И рому накапайте, – добавил я.

– Малы еще, – ответила официантка. – Кто вас вообще пустил? Вам же лет по двенадцать от силы! А детское кафе в шесть закрывается! Сейчас охрану позову...

– Спокойно, девушка. – Шнобель как бы невзначай высунул из кармана стольник. – Мы с делегацией.

– С какой еще делегацией?

– Сопровождаем группу аборигенов с Тасмании. Они сейчас пляшут.

И Шнобель кивнул в сторону танцпола.

Официантка поглядела в указанном направлении. Большинство танцующих и в самом деле так или иначе были похожи на аборигенов. Во всяком случае, так казалось.

– И что тут эти... из Танзании делают? – спросила она.

– Изучают сумчатого бурундука, – сказал Шнобель. – Это редкость. Кстати, многие делегаты не женаты. А вы знаете, какой уровень жизни на Тасмании?

Тасманийский уровень жизни, неженатые аборигены и сумчатый бурундук-редкость стали последней каплей. Официантка приблизилась к столику и стала собирать чашки, коих я и Шнобель осушили уже немало.

– Возьмите. – Шнобель протянул девушке купюру. – За чай...

Официантка спрятала ее в кармашек.

– А это вам за беспокойство. – Шнобель добавил еще один стольник.

Официантка засомневалась.

– Тасмания вас не забудет, – сказал Шнобель. – Внесите свой посильный вклад в науку, сумчатый бурундук на грани вымирания.

Официантка удалилась.

– Ну, что, иван, – сказал Шнобель, – пора и начинать.

– Ты уверен?

– Вполне. Только как договаривались – по морде не бить. И с ноги тоже.

Я кивнул.

– Драку заказывали? – Шнобель подтянул к себе стакан с апельсиновым соком и плеснул его мне в лицо.

Я прыгнул через стол, вцепился в Шнобеля, и мы покатались по полу.

Вокруг нас тут же собралась небольшая толпа, ребята смеялись, а девочки повизгивали, особенно когда я и Шнобель натыкались на них или опрокидывали стулья. Музыка играла.

Впрочем, схватка продолжалась недолго. Появился Захар. Захар был секьюрити, проще говоря, вышибала. Бывшая гроза Заречного района, вставший на путь добра и миролюбия. Он легко подхватил нас со Шнобелем с пола и зашвырнул в туалет. Сказав, что если собираемся драться дальше, то можем драться там. Но если разобьем хоть одну плитку кафеля, то он персонально замурует нас между писсуарами.

Еще живьем.

– Кажется, сработало, – сказал я.

– Конечно, сработало, – ухмыльнулся Шнобель. – Мой план гениален. Переходим ко второй части.

Шнобель снял куртку, вывернул ее наизнанку. Куртка из красной превратилась в черную.

– И это вся маскировка? – насмешливо спросил я.

– Главное в маскировке – замыливание глаза.

– Чего замыливание?

– Глаза.

Шнобель показал пальцем на глаз.

– Сейчас я тебе покажу, что такое замыливание.

Он достал кепку, обстучал ее о колено и напаялил на голову.

– Как?

Я усмехнулся. Кепка абсолютно не шла хлыщеватому Шнобелю. В кепке он был похож то ли на мелкого жулика, то ли на продавца вечных мочалок для посуды.

Хотя...

– Так ты похож на режиссера Тарковского, – сказал я. – Немного...

– Да? – с долей удовольствия спросил Шнобель и снова посмотрелся в зеркало. – Это плохо...

Он снял кепку и жесточайше помял ее. Снова надел.

– Теперь порядок, – оценил я. – Теперь не Тарковский, теперь обычная скотина...

Я подумал, что Шнобеля я недооценил. Его способности к маскировке недооценил. Узнать его в помятой кепке было просто невозможно.

– Теперь поработаем над тобой, иван. – Шнобель отошел на шаг, окинул меня придирчивым взглядом.

– Тоже куртку выворачивать? – поморщился я.

– Выворачивай, выворачивай, не переломишься. Художники душу выворачивают, и ничего, не жужжат...

Я пожал плечами и послушно вывернул куртку. Клетчатой стороной наружу.

– Нормально, – похвалил Шнобель. – Шотландская дурчага. Жалко, килта нету...

– Не глупо?

– Слушай меня, иван, я в моде секуч, – сказал Шнобель, – по фэшн-сайтам регулярно юзаю.

– Нафиг?

– Дизайнером стать хочу, – объяснил Шнобель.

– Типа Лагерлеф?

– Не Лагерлеф, а Лагерфельд, во-первых. И не кутюрье, а дизайнером. Ты не поймешь. И батый мой не понимает. Хочет меня в нефтяной институт отправить, зараза... На вот, нацепи.

Шнобель вытащил из кармана бандану с черепами и крестами, намочил ее водой и повязал на голову мне.

– Теперь последний аксессуар. – Шнобель вытащил из кармана ковбойский галстук в виде здоровенной и тяжелой бычьей головы. – Бычатка...

Нацепил бычатку на мою шею.

Я посмотрел в зеркало. В вывернутой куртке, в бандане и с бычьей головой я имел вид абсолютно дикий. И ничуть на себя не похожий. У Шнобеля и на самом деле имелся явный дизайнерский талант.

– Порядок, – удовлетворился Шнобель. – Теперь вряд ли узнают... Уходим. Хотя...

Шнобель принялся глядеть в зеркало. Придирчиво так, наметанным глазом. Спросил:

– Слушай, Кокос, погляди, мне кажется, со мной что-то не так...

Это у него фоб такой. Заскок, закидон. Шнобелю постоянно кажется, что с ним что-то не так. В смысле внешности. И он всех спрашивает, все ли с ним в порядке со спины.

– Может быть, все-таки что-то не так?

Некоторых достает, а я вот привык.

– Что-то не так... – Шнобель вертелся перед зеркалом и так и сяк, стараясь уличить нетакость.

– Да все с тобой в порядке, Нос, – успокоил я. – Красив, поджар, в глазах железо. Идем.

– Да, надо идти... – согласился Шнобель, – надо... И морду такую сделай... зверскую.

Я сделал зверскую морду, и мы двинули в сторону выхода.

И нас действительно никто не узнал. Даже эта, с косичками.

На улице было холодно и сухо, весной случаются такие дни, в апреле особенно.

Мы выкатились из «Бериозки» и направились к девятиэтажному дому по улице Высоковольной, где во втором подъезде хранились прикованные к батарее велосипеды. Освободив технику от цепей, мы покрутили в сторону местечка Кубланы, где в реликтовой сосновой роще располагался Лицей им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. В котором мы имели счастье обучаться.

Путь был нелегок. Хитрый Шнобель припас для себя хайтековский велик с кучей передач и дисковыми тормозами, мне же выделил допотопный грыжеватый «Орленок».

– У тебя же три велика, – недовольно сказал я. – Неужели нормальный не мог взять?

– Это не просто велик, иван, – объяснил Шнобель. – Это еще и средство обороны. В случае чего ты сможешь бросить его в противника. Когда в тебя попадает велосипед – это больно, и сразу вскочат синяки.

Я ничуть в этом не сомневался. Но метательные достоинства, скрытые в бледно-зеленом «Орленке», не добавляли ему достоинств скоростных. Поэтому крутить педали мне было невесело, я даже почти сразу вспотел.

Еще больше вспотел я через километр, когда Шнобель свернул для конспирации на лесную тропу и толковая дорога практически исчезла. Давить на педали приходилось шибче, к тому же еще приходилось объезжать полупроснувшихся лягушек, это утомляло.

По лесной тропе мы пробирались почти час. Шнобель ругался, сверялся с GPS-модулем, отмахивался кепкой от комаров, два раза бросал велосипед и бежал собирать ландыши. Я немножечко злился, ландыши пахли горько, от этого щекалолось в носу.

Через час петляний по реликтовой роще между деревьями забелел забор. Забор был мощный, капитальный, мы закинули на него лесенку и легко перебрались на территорию Лицея.

– Ну что? – Шнобель подмигнул сразу обоими глазами. – Ты чувствуешь трепет свершений, иван?

– Рожу жжет, – ответил я.

– Рожа вторична. Где машина?

– Он ее за углом ставит обычно...

– Ну так идем.

Шнобель короткой перебежкой перебежал до стены здания, я за ним. Прокрались до угла. Выглянули. И тут же спрятались обратно.

– Почему свет? – спросил я. – В химическом кабинете свет горит, с какой это радости?

Шнобель снова высунулся из-за угла. Смотрел почти минуту.

– Там, кажется, кто-то есть... – сказал я.

– А, это новенькая...

– Какая новенькая?

– Такая, обычная. Кожаная куртка дешевая, дурацкая, на базаре скорее всего купили, джинсы слегка расклешенные, но не стрейч, ремень...

Я ткнул Шнобеля локтем.

– Ладно, ладно. Ты же болел. А пока ты болел, она пришла. Ничего интересного, на мой взгляд, обычная метелка с грязными волосами...

– Что она тут делает?

– Полы, наверное, метет.

Я поглядел на Шнобеля с недоумением:

– Полы?!

– Угу.

– Зачем? – не понимал я.

– Зачем, зачем, чтобы чистые были...

– Но уборщица же есть!!!

Я был удивлен вроде как. Чтобы лицеисты мыли полы! Куда все катится? Во крапива...

– Может, у нее заброс такой просто, – сказал Шнобель. – Знаешь, дети американских миллионеров тоже газоны там всякие стригут, за детьми-дебилами присматривают. Это, типа... так принято, короче. Правильное воспитание называется.

– У нее что, папа американский миллионер?

– У нее... потом расскажу. Давай лучше к тачке двигать, поздно уже.

– А эта новенькая, – я кивнул в сторону химического кабинета, – нас не увидит?

– Физику надо учить, бонифаций, – насмешливо сказал Шнобель. – Свет горит в помещении. Эффект Доплера. Мы ее видим, она нас нет. Все просто. Давай, иди.

– А почему я? – спросил я.

– Я покараую.

– Я сам покараую...

– У меня зрение лучше.

Это был тяжелый аргумент. Зрение у Шнобеля на самом деле было отменное. Я вздохнул и направился к машине.

«Хаммер» физрука стоял почти посередине лицейского двора, возле флагштока. Вокруг было простреливаемое пространство, но я не особо опасался, шагал открыто, даже не пригибаясь. Это потому, что, кроме новенькой, в Лицее должны были находиться всего два человека, да и то с другой стороны здания, не здесь. Владелец «Хаммера» физкультурник Аверьян Анатольевич Цикада, сокращенно Автол. И сторож Киллиан, настоящее имя которого было неизвестно. А Киллианом его прозвали за то, что однажды по приказу завуча он взялся расстреливать из пневматической винтовки наледь, а застрелил гуляющую по водостоку кошку. Чем навсегда вошел в историю Лицея. Правда, некоторое время его называли Кошачьей Смертью, но это было громоздко, Киллиан и короче и оригинальней.

Лампы в кабинете химии бросали на асфальт оранжевые прямоугольники, совсем как у поэта Маяковского в единственном его стихотворении, которое я осилил прочтением. Новенькая уныло водила шваброй туда и сюда, на улицу даже не смотрела, хорошо, стало быть, была подготовлена по физике. Впрочем, мне ее тоже было плохо видно. Дурочка какая-то, наверное.

Я без затруднений добрался до широкой кормы американской танкомшины, обошел вокруг, остановился возле места водителя. Пощупал хромированную сталь зеркала.

Неожиданно подбежал Шнобель.

– Ты чего не следишь? – спросил я.

– А, – отмахнулся Шнобель, – все равно Автол не придет...

– А если придет?

– Этот придурок на туфлях такие подковы таскает, что его за два километра слышно. Хватит болтать, давай, за дело...

– Не закрыто... – Я заглянул внутрь машины.

– А чего ему закрывать, – прошептал Шнобель. – В нашем родном Мухосранске «Хаммер» только у него, кто ж угонять будет, придурков нет...

– Растет благосостояние простых российских физкультурников, – сказал я. – Может, шины ему пропороть?

– Это уже серьезно, – не согласился Шнобель. – Будем делать, как планировали. Готов?

– Ну.

– Лей. – Шнобель воровато оглядывался.

Я скрутил крышку с канистры и принялся поливать сидение густой темной жидкостью.

– Осторожнее, – посоветовал Шнобель. – Опасная штука...

– Из чего намешал?

– Секрет фирмы, – ответил Шнобель.

Он сунул руку в карман, достал именную фляжку, взболтнул, отхлебнул какао.

Я позавидовал Шнобелю – сейчас бы тоже не отказался от какао. Но просить фляжку не хотелось, Шнобель имел обыкновение облизывать горлышко всякий раз после припадания к шоколадному источнику, а я был не то чтобы брезглив, но все же...

– Секрет. – Шнобель вытер губы рукавом. – Мед, суперклей, масло и мегадобавка. Продерет до костей! Две недели этот гад в школе не появится, могу гарантировать. А если его не будет, будет Филя. А Филя добрый, зачеты всем поставит. Так что все окажется нормалек, лей давай. Будь беспощаден.

Я беспощадно вытряхнул остатки жидкости на сиденье «Хаммера».

– Уходим, – сказал я. – Скоро Автол появится, а нам надо еще в «Бериозку» успеть, для алиби...

– Лучше бы посмотреть, как все сработает...

– Послушаем с той стороны. – Я направился к бетонным плитам забора. – Так безопаснее будет...

Вдруг в кабинете химии погас свет.

Темнота. Резкий переход, зеленые круги в глазах.

– Бежим! – ойкнул Шнобель, дернулся, рванул к забору.

Я на секунду удержался, затем тоже поддался панике, кинулся за ним. Мы лихо перелетели ограждение, свалились в кусты и притихли. Шнобель довольно улыбался. Типа, напугал мя.

Ждать пришлось недолго. Скоро со стороны служебного входа послышались, как говорится, шаги. Шнобель ткнул меня в бок. Я кивнул. Подумал только, что Шнобель, как всегда, нагнал – шаги Автола слышно было, но никакого цоканья копыт, то бишь подков. Если Автол подгреб бы минут на пятнадцать раньше, то легко застучал бы нас возле своего вездехода.

Шаги прошаркали мимо, остановились возле «Хаммера». Хлопнула дверь.

Через секунду вечерние сумерки были пронзены воплем. Мне даже почудилось, что в Лицее дрогнули стекла. В лесу запищали испугавшиеся птицы – то ли семейство иволог, то ли одинокие козодои.

Шнобель в восхищенье подпрыгивал на месте и бешено показывал мне большие пальцы. Радовался.

Вопль не замедлил повториться. И в этот раз он был протяжнее и безнадежнее, в вопле звучала агония, в вопле звучала тоска, будто лось одинокий помирал. Потом вдоль забора снова протопали шаги, только теперь уже в обратном направлении.

Шаги сопровождались стоном и слабым ревом.

– Получилось! – радостно прошептал Шнобель. – Теперь этот гад недели три не покажется, не меньше!

– С ним ничего не это... не будет? – спросил я.

– Ничего. Сидеть не сможет, это точно. Ну и по мелочи там. Кожу, может, там пересадят... Это шутка, можешь на меня так не смотреть. Где велики-то, в какую сторону?

– А ты на pokete своем посмотри, – посоветовал я.

– Точно ведь. – Шнобель сунул руку в карман. – Сейчас...

Лицо у Шнобеля вдруг как-то поползло в сторону, я даже испугался. Испугался, что Автол каким-то зверским усилием нечеловеческой сущности физкультурника перенесся через забор и теперь стоит за нашими спинами.

С линейкой из кабинета черчения. Со струбиной из кабинета труда. С динамометром из физического кабинета и с горелкой из химического.

Я резко оглянулся, но Автола не обнаружил.

– Фляжка!!! – прошептал Шнобель. – Я ее обронил...

– Где?

– Там. – Шнобель указал в сторону забора.

– Баран, – сказал я. – Баран ты, Носов. У тебя на фляжке...

– Фамилия. И имя...

– Полевай давай быстро, – я кивнул в сторону забора, – пока Автол с милицией не примчался. Тогда тебе даже побег в Казахстан не поможет...

– Я...

– Давай скорее, зобух. – Я начинал злиться. – Ты со своей фляжкой так нас подставишь...

– Я это... – Шнобель забегал глазами. – Ну...

И тут я понял, что Шнобель испугался.

– Я... – Шнобель оглядывался, – я не могу...

– Нос, я что-то не понял. Это ты всю эту байдю придумал, теперь полевай!

– Не могу, – помотал головой Шнобель. – Не могу, Кокос, честно...

– И что нам делать теперь?! Автол найдет твою вонючую флягу – и тогда он нас не только из Лицея вышвырнет, он нас зароет!!! В сыру землю! Ты понимаешь?!

– Понимаю, Кокос, понимаю... Но не могу... Не могу... Кокос, давай ты...

– Ты чего?! – удивился я. – Ты, значит, облажался, а я должен рисковать...

– Я бабла отсыплю, – пообещал Шнобель.

– Я сам тебе бабла отсыплю, дятел! А ну давай...

– Кокосов! Я тебя прошу!

Шнобель почти что всхлипнул.

Я быстро подумал.

Шнобель обделался, это ясно. Если полезет, может все завалить. Если полезу я, шансов уйти спокойно гораздо больше. А Шнобель будет мне должен. А это очень хорошо, когда тебе кто-то должен. Особенно Шнобель.

– Ладно, Нос, – сказал я. – Я стоняю. Только учти...

– Учту все на три года вперед, – пообещал Шнобель.

– Ты мне должен всего.

– Не бойсь, не вмаринуюсь, – заверил Шнобель.

Я влез на забор и произвел рекогносцировку. Никого видно не было. Тишина. Спрыгнул на асфальт и подбежал к «Хаммеру».

Дверь вездехода была открыта, на асфальт стекало изготовленное Шнобелем вещество. Я опустился на колени и стал искать фляжку. Было уже совершенно темно, и искать приходилось на ощупь, пальцами по асфальту.

Фляжки не было.

Я уже было испугался, что Автол нашел фляжку и прихватил ее в качестве улики, но тут шнобелевская посуда обнаружилась под правым задним колесом машины – Автол успел снять свой танк с тормоза, он немножечко сдвинулся и придавил жестянку. Я принялся ее выковыривать, но очень быстро обнаружил, что вещичка застряла плотно и извлечь ее нельзя. Я вспотел, как двадцать тысяч негров. Выпрямился, забежал за корму «Хаммера» и попытался джип сдвинуть. Бесполезно, могущества не хватало. Я испугался посильней.

С другой стороны здания послышался очередной крик. В нечеловечной тональности. Я вздрогнул и решил спрятаться за автомобилем. И тут же наткнулся на нее.

Девчонка.

Передо мной стояла девчонка. Новенькая. Я ее не видел, но сразу понял, что это новенькая. От нее пахло шампунем и нашатырем, она стояла, засунув руки в рукава, смотрела в асфальт.

Я наткнулся на нее, из-под ее куртки вывалилась связка разнокалиберных ключей. Длинные, короткие, всякие.

Ну да, куртка из толстой красно-черной кожи. Дурацкая, это Шнобель верно сказал. На плече номер «77», на спине надпись «D. Racing», я тогда еще подумал, что вряд ли девчонка занимается гонками на драгстерах...

Номер «77» и «D. Racing» светились зеленоватым. Волосы неопределенного цвета, какие-то пегие перья.

Фиолетовые солнцезащитные очки, хотя вроде бы вечер. Очки нацепила. Ночью в очках ходят одни... Лицо...

Я тупо улыбнулся и сказал:

– Я это... Тут хожу...

Со стороны парадного входа провопили еще. Новенькая поглядела в сторону вопля.

– У меня тут... – пробормотал я. – Застряло, короче...

Надо было мне удивиться. Надо было мне поинтересоваться, что там случилось. Кто там так орет. Но я лопухнулся. Не знаю почему, но лопухнулся, обычно перед девчонками я крут, а тут чего-то не так...

Не знаю даже...

Я сказал:

– Это не я вообще-то... Я не хотел...

Новенькая слегка пожала плечами. Ничего. Не красивее Мамайкиной, конечно. Глаз не видно, это плохо.

И тут я лопухнулся еще больше.

– Никому не говори, а? – попросил я. – Пожалуйста...

Новенькая снова пожала плечами.

– Спасибо! – Я схватил ее за руку, пожал.

Ладонь у нее была сухая и теплая, и какая-то...

Не знаю...

Заглянул я этой зимой в живуголок, а там Верка Халиулина показывала первоклашкам шиншилл. Шиншиллы были похожи на белок и на кроликов одновременно, только серо-голубоватого цвета. Каждый первоклассник мог погладить шиншиллу или даже взять ее на руки. Мне тоже захотелось потрогать шиншиллу, я цапнул ее и почувствовал необыкновенную теплоту и даже какую-то радость. Потом Верка рыкнула, что хватит лапать, шерсть от этого скашивается, и шиншиллу отобрала. Но я еще долго чувствовал тепло, долго.

Сейчас было то же самое, не знаю...

– Он такой придурок... – сказал я и разжал ладонь.

Потом наклонился, поднял ключи и сунул ей в руку.

Новенькая развернулась и не спеша пошла к воротам. Я снова принялся выдирать фляжку из-под колеса, но фляжка держалась плотно. Тогда я сделал вот что.

Достал ножик и пропорол-таки шину. Прорезал в ней дыру. Воздух вышел, «Хаммер» просел, фляжка выскочила. Спрятал ее в карман и побежал к забору.

Правая рука у меня пылала, и уши, кажется, тоже.

Что за тупость – ходить ночью в очках?

Глава 3

Пески Гондураса

Было воскресенье, Мамайкина спросила:

– Лихорадка, значит? Субботний вечер, значит?

Я поморщился. Сегодня Мамайкина выглядела слишком гламурно. Даже для такой гламурицы, какой была Мамайкина, она выглядела гламурно. Слишком много розового, через край. Собираясь в гости к приятелю, так гламурно не наряжаются.

Я сощурился и принялся подозревать.

В последнее время Мамайкина заглядывалась на Чепряткова, это мне не нравилось. Такой конкурент, как Чепрятков, мне был совсем не нужен, состязаться с Чепрятковым было трудно. Чепрятков был силен, не туп и изящно порочен. Ну его.

– Значит, вчера с Шнобелем оттопыривались? – Мамайкина повторила свой тупой и незамысловатый вопрос.

– Чего? – типа не понял я.

– Вчера весь вечер в «Бериозке» зависали, значит...

Мамайкина достала из-за спины рюкзачок, который изготовила своими руками из голубого плюшевого мишки. Вспорола ему живот, а в рану вшила замок-«молнию», добрая девочка.

Из рюкзачка был извлечен водный пистолет (я отметил, что пистолет тоже умудрялся выглядеть гламурно), Мамайкина поболтала пистолетом и принялась стрелять в меня газировкой.

– Получи, гад, получи! – Мамайкина расстреливала меня – так что через минуту я был перемазан в малиновом сиропе и изрядно огазировлен.

Хорошо, что заряд в пистолете быстро исчерпался и Мамайкина спрятала оружие обратно в мишку.

– Повеселились, гадики...

– Ну... – Я повинно развел руками. – Так, понимаешь, получилось. А откуда ты узнала?

– Твой друг-дебил Шнобель все раззвонил.

– Все? – напрягся я.

Испугался, что Шнобель по обыкновению разболтал о наших вчерашних приключениях своей Лазеровой. А Лазерова передала Мамайкиной. А Мамайкина...

Хочешь довести что-то до ушей всего Лицея – расскажи по секрету Мамайкиной.

– Лазерова сказала, что вы весь вечер оттопыривались по полной. Мог бы и меня пригласить, между прочим, я «Бериозку» люблю...

Я понял, что у Шнобеля все-таки хватило ума промолчать. Не все выложил. В этот раз.

– Понимаешь, – я сделал заговорщицкое лицо, – тут не все так просто...

Любопытная Мамайкина хотела было придвинуться ко мне на расстояние шепотовой слышимости, но не получилось – кресла были привинчены.

– Тут все не так просто, – повторил я. – Я знаю, ты пишешь книгу, тебе это может быть интересно...

Мамайкина оторопела. О перспективах написания книги она, видимо, пока еще не задумывалась.

Я продолжал:

– Понимаешь, Шнобель, он собирается...

– Бросить Лазерову! – с каким-то болезненным удовольствием сказала Мамайкина.

– Ну, как сказать...

– А может, она с другим лазает?!

Эта идея привела Мамайкину в зверский восторг, мозг снова включился, про книгу она позабыла. Воображение Мамайкиной заработало на шестой передаче, и она принялась лихо-радочно и вслух размышлять:

– Да, Лазерова болтается с другим... Не из нашего Лицея... Из химико-технологического... Он... он... Он негр!

Я был разочарован. Думал, что Мамайкина умеет выдумывать лучше. Не, так ей книгу не написать.

– Негр... – смаковала Мамайкина. – Камерунец... камерунский принц! Он весь в перьях и татуировках! И он ее хочет забрать в Африку! А Шнобель вызвал его на дуэль! На пистолетах...

– На эспадронах, – уточнил я как бы невзначай.

Я вспомнил вчерашнее поведение Шнобеля и решил ему немножко отомстить.

– На чем? – заинтересовалась Мамайкина.

– На эспадронах, – повторил я. – Это такие сабли тупые, на них всегда вызывают, если не до смерти хотят. Только смотри, это большой секрет!

– Ты же знаешь, я – могила Тамерлана! – заверила Мамайкина.

– Не сомневаюсь, – серьезно покивал я.

Любопытство было слабым местом Мамайкиной. А в остальном вообще Мамайкина была ничего, нормальная, я ее любил. В прошлом году заняла второе место на конкурсе «Мисс Лицей», в этом году посещала заочные интернет-курсы по подготовке в институт экономики и бизнеса и собиралась занять на конкурсе первое место. А в будущем вообще собиралась обучаться в Сорбонне на факультете свободных искусств.

На покорение сердца Мамайкиной у меня ушло три месяца и двенадцать килограммов настоящего, привезенного из Турции, рахат-лукума. Я ничуть не жалел затраченных средств, все затраченные средства окупилась сторицей. Я был доволен своим выбором и Мамайкину ценил. Не каждый, далеко не каждый человек в полном расцвете сил может похвастаться финалисткой конкурса «Мисс Лицей» в подругах.

Конечно, Мамайкина была затратным проектом. Помимо начальных двенадцати килограммов рахат-лукума, на поддержание отношений ежемесячно затрачивалось сумма, сопоставимая с затратами на содержание двух взрослых шиншилл Верки Халиулиной, я специально узнавал. Но эти затраты себя окупали. Вполне окупали. Даже Чепрятков и тот не имел такой подруги.

Нет, конечно, Шнобель лазил с Лазеровой, а она была на конкурсе № 1, но Лазерова – это совсем не то. Лазерову всерьез никто не воспринимал почему-то.

А Мамайкину воспринимали.

Хоть она и была изрядной душой. Впрочем, блондинка и должна быть душой, так во всех фильмах показывается и во всех книгах пишется. Когда я глядел на Мамайкину, у меня рождался слоган:

Любить дуру тяжело, но престижно.

А теперь, когда она собиралась написать книгу...

– Понимаешь, – я еще больше снизил градус шепота, – дело в том, что у Шнобеля проблемы...

– Какие? – жадно спросила Мамайкина.

– Серьезные, к сожалению, – сокрушенно покачал головой я. – Со здоровьем...

– Он что, чем-то заразился?! – Мамайкина округлила глаза.

– Да нет, это не заразно... Это нарушения обмена веществ. Экзема.

– Экзема?! – ужаснулась Мамайкина.

– Ну да, экзема. Только ты никому не говори...

– Ну, конечно! – Мамайкина схватила меня за руку. – Конечно, не скажу, как о таком можно хоть кому-то говорить...

Я порадовался. И подумал, что уже завтра об шнобелевской экземе будет известно всему Лицею. В то, что Лазерова зажигает с негром и едет замуж в Камерун, никто не поверит – слишком уж дичь, а вот про экзему Шнобеля поверят.

– Это излечимо, – закрепил я успех, – надо только мазью мазаться специальной. Из древесных лягушек.

– Да-да, конечно... – заерзала Мамайкина. Мамайкиной не терпелось уйти.

Секрет жег ее мозг, да, так бы сказал поэт.

– Ты спешишь?

– Мы вчера роли распределяли на летний вечер. – Мамайкина кивнула в сторону автомата. – Конечно, еще долго, но лучше раньше, чем потом. Я по этому поводу и зашла...

– Чего будешь? Кофе? Шоколад? Кофешоколад?

Мамайкина сурово боролась за стройность форм, и отказалась от всего.

– Каждый должен прийти в маскарадном костюме. Только в новом, в прошлогодних нельзя. Ты не против прийти в маскарадном костюме?

– Не против, – согласился я. – Только костюм я сам найду, а то вы какое-нибудь гестапо придумаете, буду как дурак выглядеть...

– Вот и отлично!

Пышущая тайной Мамайкина встала и направилась к выходу.

– Посидела бы еще, – предложил я. – А то забежала на минутку... Я диск купил: ночной Нью-Йорк, Новый Орлеан, попутешествуем...

– Я вообще забежала только про вечер поговорить. – Мамайкина поморщилась. – А вообще мне историю повторить надо, в понедельник контрольная, а ты же знаешь, я в истории не сильна. Лазерова ко мне должна прийти, вместе учить будем... Так что мне пора.

– Давай я тебя подвезу, – предложил я вдруг.

– На своей табуретке? – брезгливо поморщилась Мамайкина. – Нет уж...

– Это «Хонда», между прочим, – обиделся я, – не табуретка...

– Табуретка с мотором. Всю прическу на ней растреплю...

– А зачем тебе прическа? – настороженно спросил я.

– Глупый вопрос, девочкам такой не задают. Не надейся, на твоей мопедке я не поеду.

– Я бы тебе шлем дал с подогревом, – вздохнул я. – И куртку немецкого летчика. У ней на спине дырки от пуль...

– Лучшая куртка для девушки – это автомобиль, – задумчиво изрекла Мамайкина. – Лучший шлем – тоже автомобиль.

– Я медленно поеду, – сказал я. – Потихонечку, не растрясешь ты свою прическу, не боись.

Мамайкина скрючила морду.

– Да... – протянула она. – Да... Слышал, говорят, Чепряткову отец купил настоящий багги. Он всех катает по пляжу...

Я сломался. Я слаб, а Мамайкина «Вице-Мисс Лицей». Это железобетонный аргумент, человек не может сопротивляться «Мисс Лицей», даже вице. Мы отправились в гараж. По пути Мамайкина рассказывала мне о достоинствах чепрятковского багги, многие на нем катались и отзывались совершенно в восторженных выражениях.

Я молчал. Вспоминал, куда мать прячет ключи от своей малолитражки. Кажется, в банку с гвоздями. Или под канистры?

Оказалось, что в банку.

Я достал ключи, открыл дверцу. Из машины вывалился густой аромат духов и сандалового масла – в последнее время мать стала заядлой фэншуисткой и обнаружила в себе склонность к тотальной гармонизации пространства, в том числе и автомобильного. Правда, меры в гармонизации не знала. Сама мать уже две недели пребывала на турецких курортах, а запах не выветрился.

Мамайкина брезгливо покривилась.

– Что-то не так? – спросил я.

– Поедем лучше на этом. – Мамайкина кивнула в сторону джипа старого. – На такой машинке только домохозяйки ездят.

– Это мамина машина, – сказал я. – Хорошая, американская. Мать на курорт поехала, машина ждет...

– Я вижу. Похожа на мыльницу... А это...

И Мамайкина любовно похлопала по крылу джипа.

– Настоящее тачило.

Во, крапива... Старый меня убьет. Протрет в протирочной машине, затем дистиллирует в перегонном кубе.

– Там надо тормозуху поменять, – робко отбивался я от королевы красоты. – Можем влететь...

– Понимаю, – кивнула Мамайкина. – Ноги до педалей не достают...

– Почему это не достают?! – покраснел я. – Достают. В прошлую субботу мы со старым ездили за вениками, так я до самой Отомицы вел...

– Ну, с папочкой любой может, – усмехнулась Мамайкина.

– При чем здесь папочка? Я и сам могу.

– Все так говорят.

Я думал. Думал, что делать.

– Холодно все-таки на улице, – поежилась Мамайкина. – Придется такси вызывать...

В моей голове в секунду пролетели все возможные последствия подобного шага, пролетели и выстроились в наглядную таблицу вероятностей.

Скандал.

Большой скандал.

Лишение карманных денег.

Лишение карманных денег на месяц.

Домашний арест.

Мамайкина достала телефон и принялась перебирать закладки.

Я быстро думал.

Мамайкина нашла номер, приложила к уху:

– Это такси? Мне, пожалуйста, машину...

– Хорошо, – кивнул я. – Поехали. Только давай поскорее, старый скоро вернется.

Мамайкина отменила вызов.

– А у тебя ключи-то хоть есть? – спросила она пренебрежительно.

Где хранятся джиперные ключи, я знал точно. В банке с болтами.

– А ты не боишься? – хмыкнула Мамайкина.

– Чего бояться-то?

– Ну, как чего? Папка по попке – а-та-та?

Мамайкина похлопала в ладоши. Коварная женщина, просто Кармен с сигаретной фабрики.

– Не боюсь, – сурово сказал я. – Все пучкомски.

Нет, я не был дурачком. И я прекрасно понимал, что Мамайкина разводит меня самым босяцким образом. Как последнего лошагера. Но поделаться ничего не мог. Откажись я, и через день весь Лицей будет знать, что я обделался и врезал заднего.

Испугался, что папка по попке а-та-та.

Если же я не откажусь, то уже завтра поднимусь на новую ступень уважения, поскольку в классе машиной управлял один лишь Чепрятков. Причем не только управлял, но и даже два раза врезался, один раз в столб, другой раз в тоже в столб. Промелькнула идея – если я тоже влечу в столб и разобью папашкин джип в крошку, то смогу обойти самого Чепряткова. Чепрятков будет повержен. Поэтому я вздохнул, пикнул сигнализацией, открыл замок и забрался на водительское сиденье.

– Залезай, – сказал я реальным голосом.

Мамайкина открыла дверцу и заняла место рядом со мной. Пристегнулась. Предусмотрительная.

– Ну что, поехали? – подмигнула она.

Я молча схватил ее за руку, рывком притянул.

Мы целовались, наверное, минуты четыре. Два раза стукнулись зубами, а потом Мамаихе целоваться надоело, и она кусанула меня за губу. Больно так кусанула, я даже ойкнул.

– Мы едем или нет? – капризно спросила она.

Я запустил двигатель. Дизель зафурчал. Люблю этот звук. Украдкой протер о штаны вспотевшие ладони, врубил передачу и осторожно вывел машину из гаража. Я действительно имел солидный опыт вождения. Две поездки со старым на рыбалку и несколько сотен часов на автосимуляторах за монитором. Я надеялся на этот свой опыт, а также надеялся на то, что район у нас спокойный и город спокойный, движение не интенсивное, а гаишники все работают на федеральной трассе в двадцати километрах отсюда, денюжку собирают.

– Музыка в этой телеге есть? – капризно спросила Мамайкина, но я отметил, что Мамайкина довольна.

Включил тюнер, нашел джазовую станцию.

– Поехали, Кокос, – сказала Мамайкина. – Ночь нежна, блинн...

Я вывел джип за забор, повернул направо, в сторону элитной Сосновки, места проживания семейства Мамайкиных.

Сначала я вел достаточно неуверенно, не вылезая за сорок километров. Мамайкина поглядывала на меня с иронией, и демонстративно пилила ногти. Однако постепенно я освоился, догнал стрелку до шестидесяти, вальяжно отвалился на кресле и даже иногда стал позволять себе рулить одной рукой. И теперь Мамайкина поглядывала на меня с уважением.

Мы выбрались из района коттеджей, переехали старую узкоколейку, затем я свернул на проселок.

– Ты куда? – спросила Мамайкина. – Дорога же там...

– Тут короче, – лениво ответил я.

Тут действительно было короче. Но не только. Дорога проходила вдоль речной заводи, возле которой постоянно собирались ребята из пригородов. Поудить бычков со спортивными целями, поболтать, поболтаться. А две недели назад я, вооружившись японским телескопом, пузырьком тыквенного масла, распаренной перловкой, живым мотылем и настоящими японскими крючками-заглотышами, изготовленными по аэрокосмической технологии, прибыл на заводь. Раньше, в начальной школе, я любил ловить рыбу. Не умел, но любил. Потом с этим лицеем на рыбу времени уже не оставалось, а сейчас, по сверххранной весне, мне чего-то взгрустнулось, и я решил на минутку вернуться в детство.

Местная ребятня встретила меня тогда доброжелательно, я же отнесся к ребятам с самодельными удочками достаточно высокомерно. Пожлобствовал. Собирался показать класс спортивного ужения.

Однако уже через час я был посрамлен и раздавлен. Соседи весело таскали глупых бычков, наполняя ими бидоны и бутылки из-под воды, я же не поймал ничего. Не помогало ни тыквенное масло, ни перловка. Бычки меня игнорировали, я нервничал и скрипел зубами.

В конце концов старожилы пожалели неудачника с аэрокосмическими крючками и открыли ему секрет. Оказывается, бычки клевали на изюм. В результате рыболовы расстались друзьями, но я не забыл неприятного чувства и давно ждал возможности нанести ответный удар.

И вот это время пришло. Я срулил с проселка и повел машину к реке. Мамайкина попритихла и поглядывала теперь на меня не с презрением и не с уважением, а с некоторым испугом. Прикидывая, не похож ли я на маньяка? Потом не вытерпела и спросила:

– А чего мы там делать будем? На реке?

Я не ответил, решив отомстить Мамайкиной. Мамайкина смотрела по сторонам, потом достала телефон и стала проверять сеть. Сеть ушла. Мамайкина испугалась сильнее.

Мы выехали на берег заводи. В месте впадения заводи в реку сидели ребята с удочками, как всегда. Я подкатил к ним. Народ забыл про поплавки и уставился на машину. Я опустил стекло, высунул наружу локоть, затем высунулся наружу сам, втянул прохладный воздух, спросил лениво:

– Э, мужики, как клев?

Рыбаки не ответили. Я с тщеславным удовольствием отметил, что они меня узнали и легко шокированы, почувствовал себя слегка отомщенным.

– На что бычага идет? – снова спросил я. – Опять на изюм?

– На изюм... – ответили сразу несколько ребят.

– Ясно... – равнодушно протянул я. – Ну, бывайте, мужики. Через недельку забегу, лады?

– Лады... – ответили рыболовы.

Я поднял стекло, даванул по газу и повел джип обратно, через пятнадцать минут мы были возле дома Мамайкиной.

И там меня ожидал приятный сюрприз. На скамеечке в окружении гипсовых собак и гипсовых гномов с трубами сидела парочка. Шнобель и Лазерова. Парочка умильно облизывала сахарные петушки, что весьма меня удивило – такие петушки в последний раз я видел в городе Темрюке во время путешествия к Черному морю. Впрочем, Лазерова славилась своими кулинарными умениями, не исключено, что петушков она намастерила сама.

Мамайкина выбралась из машины, достала зеркальце и принялась прихорашиваться. Шнобеля и Лазерова она будто не замечала.

Я тоже выпрыгнул из машины, мрачно плюнул на вечнозеленый газон и так просто, безо всяких кочевряг, подошел к этим голубкам.

– Привет, – сказал я и уселся рядом на скамейку. – Леденцом угостите?

– Те чего, батрак машину наконец выдал? – спросил Шнобель с завистью.

– Не, – вяло поморщился я. – Просто... А вы тут давно гниете?

– Давно. – Лазерова с завистью разглядывала Мамайкину, до сих пор прихорашивавшуюся возле джипа. – А это правда машина твоего папы?

– Угу, – невнимательно кивнул я. – Леденец-то дайте...

Лазерова выдала мне леденец.

– Вкус детства, – сказал я и откусил у петушка голову.

Мамайкина перестала прихорашиваться и присоединилась к нашей компании.

– А мы тут прокатились, – зевнула она. – Как твоё здоровье, Носов?

– Мое здоровье? – не понял Шнобель. – Так... голова чего-то болит...

– А, – сокрушенно кивнула Мамайкина, – понятно...

Мамайкина поглядела на сидящую возле Лазерова. Заметила ее.

– А это ты, Указка...

– Сколько раз просила! – надулась Лазерова. – Не называй меня Указкой!

Мамайкина хмыкнула. Лазерова поднялась со скамейки. В стоячем положении Лазерова выглядела гораздо эффектнее Мамайкиной. Во-первых, она была на полголовы выше Мамайкиной, во-вторых, она занималась художественной гимнастикой и являлась носителем внешности, по многим параметрам превосходящей внешность Мамайкиной.

И в-третьих, номером первым конкурса «Мисс Лицей» была именно Елена Лазерова, я уже говорил. И вообще, Лазерова – это Лазерова, будоражная особа.

– А чего на мопеде не прихрустели? – спросил Шнобель.

– На реку заезжали, – объяснил я. – На рыбаков глядели. Хочу на следующей неделе на бычка сходить...

– Ты что, рыбу, типа, ловишь? – удивился Шнобель.

– А ты что, не ловишь? – в ответ удивился я. – Это сейчас самый рулез. Сейчас все рыбу ловят...

– Слушай, возьми меня тоже, а? – стал просить Шнобель. – Я тоже хочу...

Занавеска на веранде сдвинулась, в окне показался силуэт. Папаша Мамайкиной, опознал меня. Если выйдет и будет докапываться – все. Позвонит моему.

Скандал.

Большой скандал.

Ну, и так далее.

– Ну так что, иван, возьмешь на рыбу? – снова спросил обожавший все рулезное Шнобель.

– Посмотрим, – задумчиво ответил я. – Вообще мне пора. Тебя подбросить?

– Подбрось. – Шнобель догрыз петушка, послал Лазеровой воздушный поцелуй и побежал к джипу.

Лазерова обиженно вернулась на скамейку. Мамайкина с интересом придвинулась к ней. Сейчас будет спрашивать про негра и Камерун.

– Ладно, девчонки, – сказал я. – Вы идите свою историю зубрить, а мы домой поедem. У нас дела еще...

– Какие это дела? – Мамайкина кокетливо взяла меня под руку.

– Мужские. – Я высвободился и с самоуважением пошагал к машине.

Забрался внутрь, запустил двигатель, подождал, пока Шнобель пристегнется, и не спеша откатил от дома.

– Ну, ты, Кокос, даешь! – восхитился Шнобель. – Не боишься, что батый почикает?

Я не ответил, прибавил скорости.

– Зря ты взял эту тачку, – сказал Шнобель. – Поцарапаешь, потом не отвертишься...

Шнобель принялся тыкать пальцем в панель музыкального центра, снова зазвучал джаз.

– Ненавижу джаз. – Шнобель зевнул. – Буржуазная зараза. Музыка недорезанных мулов...

Шнобель захихикал и принялся перебирать станции.

– И вообще, вредная музыка... – говорил Шнобель. – Есть одна жуткая история. Про то, как один юноша взял у своего отца машину, чтобы покататься. Поехал, затем решил послушать джаз и упал с моста... Ибо сказано – сегодня он играет джаз, а завтра сдристет в Гондурас... Эмиграция в Гондурас, об этом стоит подумать... Как прекрасны пески Гондураса...

Я треснул Шнобеля по руке. Шнобель подул на пальцы, протер их о куртку.

– Я поцарапал машину своего велосипеда, он рыдал как младенец... – сказал он. – А потом он порвал все мои журналы, такое скотство... С другой стороны, у этой машины очень хорошая система безопасности...

– Может, квакать перестанешь?! – злобно спросил я.

Шнобель пожал плечами. Но было уже поздно. В зеркале заднего вида мелькнули синеголубые огни, раздался кричающий звук.

- Накаркал, скотина. – Я ткнул Шнобеля в плечо.
- Сам виноват, – огрызнулся Шнобель. – Теперь башку точно оторвут...
- Не оторвут, – сказал я и прибавил скорости.
- Ты что? – испугался Шнобель.
- Ничего. Покатаемся просто.

Шнобель нервно оглянулся. Мигалки не отставали.

- Настырный попался, – сказал я и прибавил еще скорости.
- Брось, Кокос, не дури, – испугался Шнобель. – Не будем гоняться...

Я не ответил.

- Это уже серьезно, – сказал Шнобель. – Они могут начать стрелять!
- Я сброшу его в канаву, у меня тачка в два раза тяжелее...
- Не дури, Кокос! – крикнул Шнобель. – Тогда уж точно вилы...
- Ты же сам говорил, тут прекрасные подушки безопасности...

Шнобель побледнел. Достал телефон.

- Я позвоню своему отцу, – сказал он. – Он приедет...
- Ты ремень пристегнул?
- Не надо! – завопил Шнобель.

Я резко снизил скорость и стал принимать вправо, но машина дорожного патруля пролетела мимо. По своим делам.

– Везунчик, – сказал Шнобель. – Мне бы так, иван. Кстати, я тут кое-что узнал про новенькую... Выдающаяся личность, честное слово!

- И что?
- Как это что? Ты должен ее обаять в кратчайшие сроки!
- Зачем?
- Чтобы она не стукнула! Это же классика!
- Да она и так не стукнет, – сказал я. – Мне показалось, она не из стукливых...
- Стукнет, не стукнет, а подстраховаться надо, в таких делах нечего рисковать. Так что давай, действуй, обаяй! У нее, кстати, имя по твоей части. Аэрокосмическое. Ее зовут Лара, кстати.

- Как?
- Лара. Лариса. Если на наш язык переводить, то Чайка. Красивое имя. Летчицкое. Шнобель облизнулся.

– Да и сама она ничего. Такая... Слушай, Кокос, бросай эту дуру Мамайкину...

Оставшиеся три километра Шнобель учил меня жизни. Надо бросить морально устаревшую и умственно непродвинутую Мамайкину и плотно заниматься загадочной Ларой. Что такое Мамайкина? Пошлая красавица второго ряда...

– Но-но, – предупредил я, – не перегибай палку, Мамайкина все-таки моя герлфренд, я ее люблю до гроба.

- Иван! Да ты человек эпохи Ренессанса! Ты хочешь вступить за честь своей дамы?
- А как у нее фамилия? – спросил я.
- Мамайкина. У нее фамилия Мамайкина...
- Да при чем тут Мамайкина?! У нее какая фамилия?
- Да при чем тут фамилия? Фамилию она возьмет твою...
- Ну, и так далее.

Глава 4

Отсутствие разменной монеты

– ...не может больше продолжаться! – услышал я и остановился.

Дверь в кабинет Зучихи была приоткрыта. Через щель была видна невеселая спина новенькой.

«77» и «D. Racing».

Новенькая стояла, понуро ссутулившись, смотрела в окно, изучала повадки жирующих на подоконнике воробьев. Глаз из-под фиолетовых очков не было видно, но мне показалось, что она смотрит все-таки на воробьев. Я прижался к стене и сдвинулся поближе к дверной щели. Интерес пробил.

– Понимаешь, – педагогическим голосом говорила Зучиха, – понимаешь, мы не можем освободить тебя от физкультуры только потому, что тебе не хочется ее посещать. У нас Лицей, у нас всестороннее образование. Факультативы по этикету, факультативы по бальным танцам, факультатив по веб-дизайну. Это же очень интересно! Скоро ознакомительный визит в манеж...

Зучиха сидела за своим широким рабочим столом. Прямо перед ней располагался раскрытый ноутбук. Иногда она водила мышкой, озабоченно смотрела в экран и хмурила брови. Ходили упорные слухи, что Зучиха прямо во время рабочего дня совершает сделки на электронном валютном рынке и имеет с этого ежедневно чуть ли не тысячу долларов чистой прибыли. Но я знал, что это не так. Ничем она не торговала. Она вообще не умела пользоваться компьютером. Однажды я переносил в ее кабинет Большую российскую энциклопедию из библиотеки, а самой гауляйтерши на месте не было. А ноутбук был. Я сгрузил энциклопедию в угол и быстренько заглянул в комп. Ноутбук не работал. И еще из-под него виднелась бумажка.

Памятка, как компьютер включать и как его выключать.

Вот и сейчас, отчитывая новенькую, Зучиха поглядывала в экран и щелкала мышкой. На столе лежала книжица из серии «Жемчужины философской мысли», у нас тоже такая серия была – мать выписывала, но не читала из-за недостатка времени.

Я напряг зрение и увидел, что это «Государь»³. Из «Государя» торчала закладка, «Государь» прилежно изучался.

– Современная парадигма среднего образования предполагает продвижение европейских образовательных стандартов. Бальные танцы, основы программирования – это лишь малая часть того... – продолжала ездить по ушам Зучиха.

Зучиха любила умничать. Она метила на место директора, читала много педагогической литературы и сборников афоризмов, платье носила строгое, очки за двести долларов. А директор наша, Ирина Николаевна, на работе появлялась редко, потому что болела там чем-то. Ирина Николаевна была классная, но я не видел ее уже месяц или больше.

Зучиха разглагольствовала.

Вообще она завуч. Если отбросить «ав», будет Зуч. Но поскольку она все-таки дама, то не Зуч, а Зучиха. Так вот.

Зучиха разливалась.

Новенькая никак не реагировала. Воробьи ее интересовали гораздо больше веб-дизайна и танцев. Я попробовал представить новенькую в бальном платье, не получилось.

Тогда я попробовал представить в бальном платье Мамайкину. И тоже не получилось. Тогда я стал представлять всех девочек класса по алфавиту и убедился в том, что бальное

³ Политический трактат Н. Макиавелли, XVI в.

платье не шло ни одной. Зато почти всем поголовно шли джинсы, ботинки на толстой подошве и длинные свитера с оттянутыми рукавами.

Такое обстоятельство меня несколько озадачило. Чтобы наиболее объективно разобраться в данном вопросе я попытался представить в джинсах и свитере с сопливыми рукавами какую-нибудь историческую красавицу. На память сразу же пришла Наталья Гончарова, я по-быстрому загрузил опаловый образ из учебника литературы, затем обрядил его в вареные американские штаны и турецкий свитер с базара.

Получилось безобразно.

Времена меняются, подумал я. Вряд ли Наташка Гончарова в свои четырнадцать ходила на секцию рукопашной борьбы, играла на электрогитаре и по субботам стреляла из пистолета в тире.

Времена меняются, все меняется.

– Времена меняются, – продолжала Зучиха, – и мы должны шагать с ними в ногу. Современная девочка должна быть не только умной и красивой, она должна быть еще и сильной...

Я про себя хихикнул. Новенькая не любит физкультуру, смотри-ка ты. А с чего это она вдруг не любит физкультуру? Обычно физкультуру не любят те, кто любит всякую поэзию, на гитарке всякой любит бряцать собственные сочинения. Наверняка она тоже любит бряцать. Спрячется за гитару и наяривает там что-нибудь из репертуара «Рашн рок жив». Или кэсэпэ – клуб самодеятельной песни: соберемся, други, ночью у костра, будем песни булькать просто до утра...

Тоже, наверное, дура. Как Мамайкина. А то и хуже. Наверняка хуже. В такой дурацкой куртке еще бродит. Не могла себе куртку нормальную завести!

Зучиха тем временем продолжила свою лекцию, разошлась, как на профсоюзном митинге.

– У нас созданы все условия для гармоничного развития личности. Ты у нас недавно, но я должна тебе сообщить, что ознакомление с культурой у нас хорошо поставлено. Учащиеся посещают театры, кинопремьеры, антрепризы, выставки... Так, в ближайшее время учащиеся Лицея посетят выставку передвижной Кунсткамеры...

Я даже об стену спотыкнулся. У руководства нашего Лицея (в лице завуча, разумеется) была своя политика приобщения лицеистов к достижениям МХК. Зучиха в самом деле не пропускала ни одного культурного десанта, обрушивающегося на наш город.

Будь то выставка «Приемы и методы пыток: взгляд из Средневековья», передвижная экспозиция Эрмитажа, гиперрама «Сталинградская битва», выставка «Инкунабулы-2000», мобильный музей восковых фигур или, как сейчас вот, Кунсткамера. После уроков лицеистов сажали в автобус и везли духовно обогащаться. Кроме того, раз в месяц весь ученический состав посещал облдрамтеатр, музтеатр или филармонию.

Я, да и многие, кстати, считали, что все это лажа и парилово, но Зучиха была обо всем этом другого мнения. К тому же каждое такое веселье проходило по разделу «внеклассное мероприятие», а чем больше «внеклассных мероприятий», тем больше заметна старательность лицейского начальства.

Зучиха продолжала:

– Конечно, в других, в столичных лицеях сделано гораздо больше именно для всестороннего физического развития. Конечно, мы не можем пока позволить себе регулярные занятия в бассейне, конечно, мы не можем позволить себе скалолазание... Но мы работаем над этим. Попечительский совет направил письмо в Государственную думу...

Я ужаснулся. Выездка еще куда ни шло, но бассейн и скалолазание...

Это был перебор.

– Я ничего не хочу слушать! – неожиданно строго сказала завуч. – Ты абсолютно здорова, значит, ты должна ходить на физкультуру. Две недели прогуливать физкультуру – это недопустимо. В противном случае...

– Хорошо, – глухим голосом сказала новенькая. – Я буду ходить.

Это было первое, что я от нее услышал. Голос у нее был обычный, ничего интересного. Таких голосов можно везде понаслушаться.

– Вот и отлично, – обрадовалась Зучиха. – Насколько я знаю, у вас сегодня как раз пара. Вот и отправляйся. Ты же хорошая девочка...

«Ты же хорошая девочка» было сказано исключительно сердечным и исключительно приторным голосом. Таким голосом с подростками общаются специалисты, на твердые тройки окончившие психологические факультеты провинциальных вузов.

Ненавижу психологов.

– Я потом поговорю с Аверьяном Анатольевичем, – пообещала Зучиха. – Иди...

Я быстренько отбежал вдоль по коридору обратно и сделал вид, что бреду к двери. Беспечно мурлыкая под нос. Как будто случайно тут шел, как будто и не при делах вовсе, просто так простотаком.

Дверь кабинета открылась, появилась новенькая. Лара. Я как бы невзначай на нее чуть наткнулся. Как тогда. Только ключи не выпали, в этот раз она без ключей была.

– Ой, – покраснел я, – извини...

– Ничего, – сказала новенькая и, не обратив на меня внимания, двинулась по направлению к спортзалу.

Не узнала, что ли? А это, между прочим, я.

Ну, наглость. Она меня даже не узнала.

Сверхнагло.

Я хотел сначала ее догнать и сказать, что не стоит так, я нормальный, а не какой-нибудь, но передумал, решил лучше дождаться удобного момента. Послonyaлся немножко по коридору, сбегал в буфет за коржиком, потом рванул в раздевалку.

В раздевалке уже никого не было, все ушли на фронт. На передний край физкультурной борьбы за гармонию духа и тела. Надо было спешить, Автол не терпел опозданий...

Тут я с приятной радостью вспомнил, что Автола сегодня быть не должно. Поскольку шкура его позавчера вечером претерпела серьезную конфузию от едких веществ. Значит, сегодня будет Филя. Добрый человек из Восьегона, края черных груздей и волков-оборотней. Филя за физкультурой вообще не следил, поскольку считал, что качать надо душу, а уж никак не средние дельтоиды. Его уроки были добры, его уроки были бестрепетны.

Я лениво стянул с плеч куртку, оглядел шкафчики.

Все были заняты.

Пустовал угловой бокс. С надписью «Карап – блевотчик».

Надпись эту уже три раза пытались замазывать и закрашивать лицейские работники швабры и фуганка, но надпись упрямо возвращалась на железо, как птица феникс возрождается из пепла.

«Карап – блевотчик».

Я поморщился. Раздеваться в угловой шкафчик было непозволительно. Угловой шкафчик считался зачумленным и выморочным. Три года назад некто Карапущенко вместе со своими одноклассниками сдавал три километра. На втором километре Карапущенке стало плохо, он прервал неудержимый бег и побежал в туалет, но туалет был закрыт. Тогда Карапущенко, с трудом сдерживая неосмотрительно обильный завтрак, ворвался в раздевалку, открыл свой шкафчик и...

Короче, с тех пор угловым шкафчиком никто не пользовался.

Это давнее происшествие отозвалось в Лицее неожиданным социальным феноменом. Дело в том, что количество шкафчиков ровно соответствовало количеству лицеистов в каждом классе. А поскольку пользоваться угловым шкафчиком было нельзя, один лицеист вынужден был раздеваться кое-как. На подоконнике. Естественно, что на подоконнике стал раздеваться самый неуважаемый человек в каждом классе. И естественно, что такое положение лишь еще более закрепляло его низкий статус в компании. Дальше – больше.

Одним словом, несдержанность желудка Карапущенко породила в лицейских классах изгоев.

В моем классе самих изгоев пока не было, но кандидаты на эту малопочетную должность уже были определены. Сам я в эти кандидаты, естественно, не входил, но прекрасно понимал, что стоит хоть немного оступиться, и тебя в эти кандидаты обязательно запишут. Поэтому раздеваться в шкафчике знатного блефускианца Карапущенко было нельзя.

И на подоконнике тоже было нельзя.

А переодеться надо.

Я принялся изучать уже занятые боксы.

Как водилось, в самом престижном ящике хранились шмотки Чепряткова. Хорошая шведская куртка, кроссы – активный туризм, джинсы.

Рядом с Чепрятковым размещались люди, с которыми так или иначе тоже приходилось считаться. Отличники учебы и поведения, два сына начальника ГИБДД, сын директора ресторана, боксер, парочка каратистов, просто приятные ребята, которых никак не хотелось обижать. Шнобельские шмотки тоже были.

Изучив содержимое всех боксов, я наметил для себя две кандидатуры.

Илья Семенов.

Дурак. Обычный дурак, в меру безобидный. Его записывать в изгой не станут, поскольку он этого просто не поймет. А какой кайф дразнить изгоя, если он этого даже не понимает?

Гобзиков. Как зовут Гобзикова, я не знал. Но, в общем, Гобзиков на роль изгоя вполне подходил. Был лузером и лопухом. Он учился в Лицее не на баблоиды своих родителей, он учился на губернаторскую стипендию. У него вообще только мать была, кажется. И, чтобы не потерять эту стипендию, Гобзикову приходилось иметь две трети отличных оценок по всем предметам. Гобзиков старался. По всем предметам старался, за алгеброй хвостом ходил, программше сумку подносил. Но стать круглым отличником все равно не получалось. Сидялица не хватало. Поди-ка, усиди сразу на восемнадцати стульях!

То есть предметах.

И то ли от этого постоянного перегрева, то ли от перенесенного в детстве белкового голодания выглядел Гобзиков всегда изможденно и устало. Зубы торчали вперед, на мордочке бродили мелкие прыщи, ручки-ножки были хилые, цвета прошлогоднего бройлера, а кроссовки Гобзиков носил всегда китайские, с торчащими в разные стороны нитками.

Ну и рост, соответственно, метр с сантиметром.

Гобзикова не любили.

Когда на истории проходили «Указ о кухаркиных детях», класс, стыдливо хихикая, обращившись на Гобзикова.

Когда собирали посылку детям Сербии, пострадавшим от наводнения и заражения почвы нуклеарными боеприпасами, Гобзиков принес старую замшевую курточку. Все над ним смеялись и две недели после этого называли Буратино.

Когда в начале года в Лицее проводился социологический опрос на тему «Геополитика: вчера, сегодня, завтра», класс на все вопросы дружно отвечал одним словом.

Гобзиков.

Кто, по вашему мнению, является наиболее влиятельным человеком в России?

Гобзиков.

Кто, по вашему мнению, является самым непопулярным человеком в России?

Гобзиков.

Кого бы вы назначили «Королем Идиотов»?

Ну, и так далее.

Сам я к Гобзикову никакой неприязни не испытывал. Пожалуй, я чувствовал то, что чувствуют здоровые и нормальные люди по отношению к калекам и другим сирым и убогим гражданам. Жалось, брезгливость, желание поскорее пройти мимо. Обычные чувства.

Я подумал и решил, что именно Гобзиков является, пожалуй, самым достойным кандидатом на насильственное переселение. Как это ни отвратительно. Лучше он, чем я, закон джунглей.

Так что я вздохнул, отворил дверцу и вытащил гобзиковское платье. Окончательно впадать в подлость мне не хотелось, поэтому я не стал перевешивать одежду Гобзикова в «Карапаблевотчика», а аккуратно разложил ее на подоконнике. После чего быстренько переоделся сам и выскочил в зал.

В спортзале наблюдалась обычная предурочная активность.

Кто сидел по скамейкам, кто ползал по стенкам, дурак-Семенов загадочно раскручивал за конец канат, как глупый пес, смотрел на получающиеся восьмерки и, наверное, был счастлив.

Мамайкина с усталым видом лежала на матах. Выглядела она хорошо, показала мне язык, и у меня сразу заболела губа.

Шнобель с не менее усталым клеопатровским видом лежал на противоположных матах и, судя по отвлеченной морде, размышлял о последней неделе высокой моды, прогремевшей недавно над Москвой. Как и все, Шнобель был одет в белый верх, черный низ. Но этот белый верх был чуть белее, чем у остальных, а черный низ отличался заметным лишь искушенному взгляду изяществом.

Ленка Лазерова демонстрировала девчонкам фигуры художественной гимнастики. Девчонки с завистью наблюдали. Не за фигурами художественной гимнастики, а за фигурой самой Лазеровой. Мисс Лицей, что тут скажешь. Совершенство.

Вера Халиулина независимо сидела на скамейке и на Лазерову не смотрела, Вера Халиулина пествовала в себе личность.

Рядом с ней пествовала личность староста класса Ирина Заойнчковская, девочка, похожая на половник.

Другой классный народ слонялся туда-сюда, веселился как мог.

Антон Бич (Баскетбол Игра для Черных) с упорством автомата клал в кольцо тяжелые мячи. Гаишные близнецы занимались борьбой на пальцах. Каратисты Санька Шибкин и Ванька Добров лупили друг друга с мяукающими звуками, на всякий случай отойдя подальше от Чепряткова. Поскольку Чепряткову было по барабану: каратисты, кунфуисты, кекусинкаисты или айкидисты. Он с успехом лупил всех. И порознь и вместе, если им вздумывалось иногда объединиться.

Впрочем, Чепрятков был и так далеко, в другом конце зала. Он заловил Гобзикова и развлекался следующим образом. Уложил свою жертву на скамейку, водрузил ему на грудь гриф с блинами-десятками и распевал жизнерадостно:

– Если хочешь быть здоров – напрягайся, если хочешь быть здоров – напрягайся!

И дирижировал заодно.

Гобзиков был придавлен штангой. Он покраснел и, напрягая все силы, пытался выжать вверх непослушный снаряд. Отталкивался от скамьи всем телом, даже лопатками двигал, но все равно у него ничего не получалось. Штанга была неподъемной.

Чепрятков веселился.

Я искал новенькую. Лару.

Новенькая сидела в самом углу зала, рядом с гирями. Гирь было много, они были старые, чугунные и облезлые, остались со школы олимпийского резерва, которая раньше размещалась в Лицее. На фоне гирь Лара выглядела как-то...

Хрупко.

Тонкогорлая китайская ваза рядом с присядистой деревенской посудой.

Специально. Она специально рядом с гирями села! Чтобы показать, какая она утонченная-разутонченная! Хитротень-то какая! А вообще тонкий шаг. Выдающий неординарные мыслительные способности. Или наоборот. Инстинкт. Такой инстинкт звериного типа...

Стоп.

Вернулся из грез. Оглядел зал.

– Жуй железо, Гобзиков! – радовался Чепрятков. – Я сделаю из тебя «Мистера Олимпиаду», доходяга!!!

– Чепрятков, – дипломатично сказал Антон Бич. – Ты поосторожнее, что ли...

– Отвали, ниггер, – ответил Чепрятков.

Антон Бич предпочел конфликт дальше не развивать. Он уже два раза дрался с Чепрятковым из-за музыкальных пристрастий. Антон уважал «Металлику», Чепрятков «Анаболик Бомберс». Оба раза «Анаболики» одерживали верх.

– Не мешайте мне тренировать нового Шварценеггера, – смеялся Чепрятков. – Он мне еще потом спасибо скажет! Геракл просто!

Новый Геракл Шварценеггер был совсем плох. Краснота приобрела у него совершенно сияющий оттенок. Я стал поглядывать на дверь в ожидании Фили...

Но Фили не появился.

В зал вошел Автол.

Вообще-то он был Аверьян Анатольевич Цикада, я уж докладывал, но за глаза его так никто, конечно, не называл. Называли Автолом. Автол был личностью выдающейся. Чемпион Эстонии по кикбоксингу, в прошлом глава целлюлозно-бумажного холдинга, ныне же прерватоностью судьбы и происками конкурентов обычный учитель физкультуры в Лицее им. Салтыкова-Щедрина. Впрочем, не утративший кикбоксингового напора и целлюлозно-бумажной самоуверенности.

Мужчина в полном расцвете сил, заботящийся о внешности и правильном пищеварении, ценитель свежего чернослива.

– Чепрятков! – заорал Автол. – Кусок идиота с ушами, убери немедленно штангу! Придавишь этого доходягу, а я потом всю жизнь ему на лекарства работай?!

Чепрятков заулыбался. Легко поднял штангу с груди Гобзикова и опустил ее на стойки.

– Вот так, – зачем-то сказал Автол, хотя и так всем было ясно, что вот так.

Гобзиков с трудом отковылял в сторону.

Автол был вполне здоров. Никаких тебе повреждений. Никаких ожогов, никаких бандажей на заднице. Как новенький. Я осторожно отыскал глазами Шнобеля, Шнобель незаметно пожал плечами.

Прокололись, подумал я. Но кто-то ведь там орал... Кто? Кто там тогда орал?

Автол чуть косолапой кикбоксерской походкой направился к Чепряткову. Остановился напротив. Ленка Лазерова перестала крутить ногами, Антон Бич первый раз промазал по кольцу, каратисты забросили свои мяуканья и с интересом наблюдали за конфликтом.

Автол был ниже почти на голову. И уже в плечах. Но при всем при этом он казался почему-то больше и сильнее Чепряткова.

Наверное, из-за внутренней правоты, подумал я.

– А за «идиота кусок» вы ответите, – обиженно сказал Чепрятков. – Нечего мою личность унижать, я гражданин, между прочим... Моя мама...

– Да пусть твоя мама тоже приходит. – Автол злобно зевнул. – Со своими мордovorотами. Я их в узлы повяжу. Нафарширую, как кальмаров.

– Моя мама на вас в суд подаст. – Чепрятков гаденько улыбнулся. – За оскорбления и нанесение мне душевных травм. А эти... – Чепрятков с презрением обвел руками своих соучеников. – Эти подтвердят, что вы превышали. Так что ой-ой-ой!

Автол окоченел. Но быстро нашелся.

– А ты вообще что тут делаешь? – спросил он. – У тебя же перелом, Чепрятков! Ты же должен дома сидеть! Лицейский устав нарушаешь? Нарушаешь... Злостно нарушаешь, голубчик. А злостное нарушение устава Лицея в третий раз... у тебя ведь, кажется, два уже есть? Злостное трехкратное нарушение устава грозит немедленным исключением. И безо всяких мам! В обычную школу пойдешь, гражданин! Там тебя научат права человека уважать! Тоже мне, Сахаров нашелся!

Просвещенные лицеисты захихикали.

Я не захихикал. Сахарова я уважал, даже передачу про него посмотрел, и мне не нравилось, когда всякие экс-бумажники позволяли себе касаться светлого имени.

– Ладно, Аверьян Анатольевич, – смиростивился тем временем Чепрятков. – Придем к консенсусу...

– Вон отсюда! – заорал Автол. – Чтобы я тебя здесь месяц не видел! До лета не видел!

Чепрятков хотел что-либо сказать, но передумал. Вспомнил, что физкультурник в Лицее должность уважаемая и не исключено, что за Автолом тоже кто-то стоит. Старые знакомства, ну и т. п. Может быть, даже покруче его мамы...

– Ладно, – примирительно сказал Чепрятков. – Пойду. Привет червям.

Чепрятков показал одноклассникам язык и демонстративно похромал к выходу. Класс облегченно вздохнул. И тут же Автол дебильно засвистел в свой олимпийский свисток.

– Стройся! – рывкнул он и медленно повернулся к лицеистам спиной.

В знак презрения.

Лицеисты, толкаясь, принялись вытягиваться вдоль скамейки.

Лара продолжала равнодушно сидеть. На дикий свисток Автола никак не прореагировала. Прикидывается независимой личностью! Подружится, значит, с Халиулиной и Зайонцковской.

Я осторожно подрулил поближе.

– Чего сидишь? – шепотом спросил. – Вставай, а то Автол совсем разозлится!

Лара медленно со скамейки поднялась. Я покачал головой. Она была одета, мягко говоря, не совсем физкультурно. Те же джинсы, вместо черно-красной куртки черная футболка, вместо тяжелых ботинок вьетнамские шлепанцы.

Шлепанцы особенно удручали. За шлепанцы Автол раскатывал на месте.

А за очки вообще убивал.

– Ты чего? – Я краем глаза искал Автола. – Ты чего так нарядилась?

– А как надо? – вяло спросила Лара.

– Как положено. Короткий черный низ, светлый белый верх. Форма. И очки. В очках нельзя.

Лара пожала плечами.

– Автол орать будет...

– Пусть орет.

– Зря... – пожал плечами я.

Увидел, что Мамайкина разглядывает меня уж совсем пристально, и растворился потихонечку. Занял свое место, седьмое по росту.

Автол снова дунул в свой безрадостный свисток. Строй выверился окончательно. Лара заняла место во второй его половине, ближе к концу. Баскетбольным ростом она не выделялась.

Физрук повернулся к лицеистам лицом.

И тут случилось то, чего опасался я.

Автол увидел Лару. Свисток выпал из его одуревших зубов.

– Это что? – Он указал пальцем. – Это что такое?

Лицеисты испуганно сплотили ряды, в результате чего Лара оказалась в пустом пространстве.

– Это что такое, повторяю я разборчиво? – сказал Автол.

Лара не ответила.

– Староста!

Староста Ирина Зайончковская робко сделала шаг вперед.

– Староста! Это что за чучело?

– Это... это новенькая...

– Она что, из деревни приехала? – громко осведомился Автол. – Из Больших Лапотников? Разве там в очках ходят?

– Я... – растерялась Зайончковская. – Я не знаю...

– Как ее зовут? Дуся Деревянко?

Класс обязательно засмеялся.

– Ее зовут Лариса... – сказала Зайончковская.

– Лариса, значит. – Автол удовлетворенно потер ладоши. – Это хорошо...

Мне стало неприятно.

Автол обожал спектакли, Автол жить без них не мог. И сейчас у него было явное настроение к спектаклю. Не, я, как всякий нормальный мальчик, тоже любил, чтобы в моем присутствии над кем-нибудь издевались и глумились, но только в меру.

А Автол меры почти никогда не блюл. Необуздан был.

– Так, Лариса, выйди, пожалуйста, вперед, – сказал Автол ележно и указал пальцем, куда именно следует выйти.

– Аверьян Анатолевич! – попыталась заступиться Зайончковская. – Она же не знала...

– Зайончковская. – Автол прострелил старосту взглядом. – Ты иногда ездешь в муниципальном транспорте? Там на стенах висят такие таблички: «Отсутствие разменной монеты не дает права на бесплатный проезд»...

– Я в автобусах езжу, – ответила Зайончковская. – И таких табличек там нет. А если человек не знал...

– На твое личное мнение мне плевать, – зевнул Автол. – А у кого-то, видимо, в ушах бананы. Я сказал, выйти вот сюда!

Автол сделал свирепый жест пальцем. Лара вышла.

– Ты что, девочка, – спросил Автол, – не знаешь, что у нас тут существуют некие... ПРАВИЛА?!!

Слово «правила» Автол проорал. Шеренга вздрогнула.

– Посмотри на своих товарищей! Они одеты как полагается! А ты? Ты похожа на чучело!

И Автол заорал, как могут орать только физкультурники:

– Дура!!!

Вера Халиулина подпрыгнула.

– Аверьян Анатолевич! – покраснела староста Зайончковская. – Я думаю...

– Мне плевать на то, что ты думаешь! А ты дура! – снова крикнул Автол Ларе.

Я испугался, что сейчас Лара покраснеет, или заплачет, или грохнется в обморок (прецеденты были). Но ничего подобного не произошло. Новенькая стояла перед физруком как ни в чем не бывало. Немного со скучным видом. Видимо, вопли на нее не действовали.

– А это что? – Автол перешел на вкрадчивый голос. – Это что у тебя?

Автол указал пальцем на солнечные очки Лары.

– Аверьян Анатолевич! – Зайончковская достигла уже помидорной красноты. – Я же вам говорю, она не знала...

Автол остановил старосту властным движением руки.

– Сними очки, – сказал он. – Очки запрещены.

Лара не прореагировала никак. Просто стояла и смотрела в пол.

– Ну, как знаешь... – Автол шагнул к новенькой.

– Аверьян Анатолевич! – пискнула Зайончковская.

Но Автол ее не услышал.

И произошло странное. Автол выбросил руку, стремясь подцепить очки натруженными в целлюлозной промышленности пальцами. Но очков под пальцами не оказалось, Автол потерял равновесие и плюхнулся на пол.

Из кармана куртки спортивного костюма выпало вареное яйцо и, покачиваясь, покатилося в сторону гирь.

Класс восторженно проследил за тем, как катится яйцо через зал. Было так тихо, что я прекрасно услышал, как яйцо ткнулось в двухпудовую гантелю и треснуло.

Автол продолжал стоять на карачках. Мозг кикбоксера не успевал оперативно обрабатывать поступающую информацию, это было видно даже по лицу физкультурника. Из-под воротника поднималась яростная краснота, теперь Автол мог запросто соперничать с Зайончковской.

Кто-то в строю хихикнул.

Физрук медленно поднялся на ноги. Отряхнул колени.

– Ношение очков запрещено, – повторил он.

И неожиданным резким рывком попытался сдернуть окуляры еще раз. И снова промазал. Лара стояла как стояла, вроде бы даже не шелохнулась. А Автол снова пролетел мимо цели. На этот раз он не свалился, видимо, ожидал чего-то подобного.

Откуда-то послышалось оскорбительное рукоплескание, я стрельнул глазами и увидел, что из раздевалки высовывается Чепрятков. Чепрятков хлопал в ладоши и показывал большие пальцы в знак сверходобрения.

Класс восторженно ожидал развязки. Все, даже миролюбивейшая Халиулина, следили за происходящим с напряженным вниманием.

Это разозлило Автола еще больше. Бешенство его достигло прямо-таки зоологического градуса, он закипел, слюна забрызгала на километр.

– Дай очки! – проскрежетал он.

Лара отрицательно помотала головой.

Автол пришел в окончательное неистовство, он зарычал и шагнул к Ларе. Сжимая мозолистые, покрытые шрамами кулаки.

Я подумал, что сейчас произойдет что-то неладное.

– Аверьян Анатолевич, как дела?

Возле двери стояла Зучиха. Смотрела с интересом.

Автол будто влетел в невидимую стену. Он внезапно и совершенно резко сдулся, ярость улетучилась, кулаки разжались, ноздри перестали шевелиться. Словно он наткнулся на какую-то иглу и эта игла пропорола все его злобство и кипение, пар вышел наружу, Автол мгновенно успокоился. Он как ни в чем не бывало прошагал мимо Лары и совершенно спокойным голосом сказал:

– Все в порядке.

И кинул Ларе:

– Становись в строй.

Лара послушно заняла место между маленьким гаишником и Веркой Халиулиной. В очках.

– Стройся... – совсем без энтузиазма произнес Автол.

Поглядел на Зучиху с неудовольствием.

– Занимайтесь, занимайтесь, – благословила Зучиха и удалилась.

Автол дунул в свисток и велел бежать для разминки десять кругов. Сам уселся на скамейку и стал смотреть в пол.

Больше ничего интересного на уроке не произошло. Автол не свирепствовал, а с середины урока и вообще ушел. Девочек поручил физкультурно подкованной Лазеровой, мальчиков Антону Бичу, сам отправился в тренерскую.

Лара физкультурой заниматься не стала, забралась на подоконник и принялась смотреть на улицу. Все, и девочки и мальчики, иногда поглядывали на нее с почтительным недоумением. Я тоже поглядывал. Поглядывал. А Мамайкина с неудовольствием поглядывала на меня. Девочки ведь всегда все чувствуют, с ними никакой барометр не сравнится.

Ко мне подбежал Шнобель с баскетбольным мячом.

– Видал, какие дела?! – прошептал он. – Мы его кислотой взять не смогли, а она... и все... Должен был сегодня предзачет проводить, а в тренерской сидит! Автол в шоке! Возможно, он и дальше не очухается. Слушай, Кокос, интересную ты себе клюшку выбрал, однако...

– Я ее не выбирал, – огрызнулся я. – И вообще... Что-то здесь не так. У Автола что, задница алюминиевая, что ли? С чего это на него кислота не подействовала?

– А кто его знает, – пожал плечами Шнобель, – может, и алюминиевая... Может, у него не задница, а протез...

– Ну-ну. Мне кажется, эта новенькая просто гипнотизерша. Такие бывают. Как посмотрят, так сразу и все. Она Автола взглядом сбила. Крапива...

– Все, Кокос, – засмеялся Шнобель, – теперь ты в полной засаде! Одна подружка психопатка и дура, другая гипнотизерша! И обе красавицы. Слышь, наверное, эта Лара, она даже покрасивее Мамаихи будет, ну если под определенным углом смотреть. Вешайся, Буратино, вешайся.

– Сам вешайся, – ответил я.

– Мне что, у меня Указка есть, – ответил Шнобель. – Вон она...

Лазерова качала пресс возле шведских стенок. Мамайкиной рядом не было, любопытная Мамайкина вертелась возле тренерской, стремясь узнать, что же там все-таки происходит. Я понял, что можно в ближайшее время не опасаться контроля, и решил подкатить к Ларе.

Лара сидела на подоконнике, гири стояли внизу. Я подошел к гилям и с видом знатока принялся их перебирать. Разглядывал донышки, придирчиво колупал ногтем краску, ворочал. Потом гири бросил и посмотрел на Лару снизу вверх.

Не. Мамайкина круче. Еще бы! Мамайкина все-таки вице-мисс, Мамайкина...

И чего она на этот подоконник залезла? Зачем? Хочет выше всех быть? Не люблю тех, кто хочет выше всех. И что за понтовство вообще? Почему не снять очки? Любой испугается, если на него так уставиться. Если бы она на меня так смотреть стала, я сам бы куда-нибудь в сторону свернул. Подумаешь, очки. Что за тупая принципиальность?

Не, так нельзя. Совершенно нельзя. Поэтому я сказал:

– Круто ты эту крысу. Так ему и надо. Молодец. Это как называется?

– Что?

– Ну, это? Джет-кун-до? Джиу-джитсу? Искусство скрытого уклонения?

– Просто...

– Ну да, понятно, – кивнул я. – Секреты. А то я бы записался...

– Куда?

– Ну, к тебе. В ученики, типа. В секцию...

Лара улыбнулась и отвернулась. Улыбка у нее была... Лучше ничего не скажу, все равно получится тупо. Банально получится. Так улыбаться было просто свинство, нечего так вообще улыбаться.

Вот она улыбнулась, и я все понял, да. Крапива...

– А ты какую музыку любишь? – спросил я и тут же осознал, что задал на редкость тупой вопрос.

Такие тупые вопросы в прошлом веке задавали. И в позапрошлом.

– Никакую не люблю, – ответила Лара.

– А я люблю... Сен-Санса.

Это было совсем уж идиотски. Стараться изобразить из себя интелюгу – сам других за такое презирал. Но надо же было что-то говорить. Разговор-то не лепился. Я уже думал, не поискать ли какого-нибудь благообразного предложения для того, чтобы смотаться мелкими шагами, но тут увидел яйцо. То самое, что потерялось Автолом.

Яйцо спасло положение. Оно сиротливо лежало между круглыми гиревыми боками, тоскливо глядело в потолок трещинками. Я подумал, что оригинальность поведения во многом искупает косный язык и вялую речь. Поэтому наклонился, поднял яйцо, слегка протер его о футболку и принялся чистить.

Новенькая Лара поглядела на меня с некоторым интересом.

Зацепил.

Я чистил яйцо с холодным философическим видом, усеивая межгиревое пространство мелкими несимметричными скорлупками. Когда яйцо явило миру свой чуть синюшный бок, я протер его о футболку еще раз.

– Ты что, его есть будешь? – спросила Лара.

Я понял, что нахожусь на пути к успеху.

– А что ж добру пропадать? – сказал я, засунул яйцо в рот и принялся сосредоточенно жевать.

Яйцо было сухое и сразу же встало поперек горла. Но я старался не подавать виду, перемалывал богатую белком и полезными жирами пищу, намеревался ее проглотить.

– Яйцо хорошо с майонезом, – задумчиво сказала Лара. – Или с грибной икрой...

Я был согласен, что майонез бы не помешал, про грибную икру уж и говорить нечего, но дух оригинальничанья и противоречия заставил меня сказать:

– Ничего, так тоже нормально...

Я хотел добавить еще, что вообще-то предпочитаю яйца всмятку, яйца всмятку – еда королей, но сказать этого не смог.

Подавился.

Яйцо пошло, как говорится, не в то горло. Я захрипел и стал подавать знаки.

– Что случилось? – спросила Лара.

Но я только указывал пальцем себе за шиворот.

– Подавился, что ли?

Я мужественно кивнул и свалился на скамейку. Возникла Мамайкина. Рядом. С кислой рожицей возникла.

– Прикинь, Кокосик, – просусюкала она, – этот дурак Автол перебирает свои жестяные кубки и так грустно на них смотрит. Что это ты не отвечаешь?

– Подавился, – объяснила Лара.

– Чем подавился?

– Яйцом.

– Каким еще яйцом он подавился? Откуда тут яйца?

– Нашел яйцо, стал его есть и подавился. Такое случается, яйца – очень опасная пища.

Теперь он задыхается.

Я на самом деле задыхался. Ноги даже подкосились, и я бухнулся на колени сразу перед двумя девчонками, как последний трубадуришко. Засипел. Услышал, как где-то недалеко Шнобель сказал:

– Посмотрите, какой ловелас! Одной ему уже мало! Так держать, Кокосов!

Левый глаз у меня задергался, а за ним задергалась и вся левая часть лица.

– Судороги, – сказала Лара. – Плохо. А ну, дай мне руки.

Я протянул ей руки. Крепко. Пальцы у нее были тонкие, но неожиданно сильные. И снова. Ощущение тепла и какой-то энергии, что ли. У Лары были правильные руки, за них было приятно держаться.

Лара потянула меня на себя, но встать не получилось, коленки не позволили.

– Помогите, – прошептала Мамайкина. – Помогите же...

– Подтолкни его, – велела Лара.

– Чего? – не поняла Мамайкина.

– Подтолкни, говорю!

Мамайкина забежала за меня и принялась толкать в спину. Лара тянула. Я с трудом поднялся на ноги. Лара быстро забежала ко мне с тыла, обхватила руками поперек, сжала и дернула вверх. Позвоночник у меня хрустнул, яйцо булькнуло и проскочило в желудок.

– Спасибо, – выдавил я. – Вам обеим.

И поковылял в сторону раздевалки.

Мамайкина фыркнула, догнала меня, вытерла руки о мою футболку и гордым шагом проследовала к Лазеровой. Пусть включит это в свою книгу.

До раздевалки я доковылял с трудом и покачиваясь. Бухнулся на скамейку, вытянул ноги. В горле стоял мерзкий яичный вкус, в желудке сидел камень, начинало тошнить и пучить. Я пытался отдышаться.

Тупо.

Как тупо подавиться яйцом. Хотел показаться во всем блеске, а подавился яйцом. А она меня спасла. Теперь она будет думать, что я ей обязан жизнью. И решит, что я должен ей поклоняться. Точно, решит, что я должен ее боготворить. Может, даже портфель придется носить, рюкзак то есть. Ужасно. Стремно. Чего я пошел на эту физкультуру? Надо было задвинуть, просидеть в столовке...

А главное, и сам я буду думать, что она меня спасла. Все равно буду думать, ничего с собой не сделаю.

Я вскочил и принялся ходить туда-сюда по раздевалке. Мне даже стало казаться, что она это как-то специально устроила. Заманила меня к этому чертовому яйцу...

Бред. Стал впадать в бред.

Спокойствие. Тишина.

Минут через десять со стороны спортзала послышался вялый свист.

Еще через минуту коридор наполнился дружным топотом, и в раздевалку влетела потная толпа лицеистов.

Гобзиков одним из первых.

Я поморщился. Про Гобзикова я совсем и забыл. Вообще, в мои планы входило отпроситься с физкультуры минут на десять пораньше, быстренько одеться, перевесить куртку Гобзикова на место и живо свалить. Но с этим дурацким яйцом я совсем забыл про Гобзикова, про шкафчик Карапущенко, даже про давешнее приключение возле «Хаммера» Автола и то забыл.

Гобзиков увидел свою одежду на подоконнике, увидел в шкафчике мою куртку, все понял.

Я встал. Я хотел разобраться мирным путем, потихонечку, но потихонечку не получилось – в раздевалку проник Чепрятков.

– Так-так, – сказал охочий до шоу Чепрятков. – Я смотрю, ты, Кокос, на Гобзикова круто наехал...

– Да не наехал я... – Я попытался замять дело. – Просто...

– Гобзиков, он на тебя наезжает, а ты стоишь и смотришь! Вломи ему!

И Чепрятков подтолкнул Гобзикова ко мне.

– Слушай, Гобзиков... – начал объяснять я.

Но Гобзиков не захотел ничего слушать, он быстро шагнул ко мне и ударил в живот. Тупо так, неумело совсем.

Правильно и сделал, по-другому было просто нельзя.

Я успел сместиться назад, и удар пришелся по касательной. Гобзиков снова кинулся на меня, размахивал рычагами, пузырился.

Мне ничего не оставалось, как ответить.

Глава 5

Объективное вменение

Шнобель вертелся перед стеклянной дверью. Пытался отразить собственную спину.

– Слушай, Кокос, – сказал он, – посмотри, а? Мне кажется, что там что-то не так. На спине у меня. Посмотри, а?

– Все у тебя в порядке, – ответил я.

– Мне кажется, что-то не так... Что-то мешает...

– Знаешь, Нос, мне сейчас совсем не до твоей чертовой спины...

– А, понимаю, муки совести... Зря ты с ним, иван, подрался вообще-то, – сказал Шнобель. – Совершенно зря. Неполиткорректно. Теперь твоя жизнь кончена. А все могло бы быть по-другому. Ты бы вырос большим и сильным, женился бы на девушке с мощным костяком, у вас бы родилось пятьсот миллионов детей...

– А, – махнул рукой я. – Чего уж...

– А с другой стороны, правильно. Я на этого Гобзикова уже смотреть не могу, ходит туда-сюда со своей гнилой мордой. Я от него в шоке! И вообще, почему я должен учиться с каким-то уродцем...

– Это уж точно, – вздохнул я.

– Слушай, Кокос, – шепнул Шнобель. – Ты, я видел, с ней на уроке все-таки побеседовал? Я пожал плечами.

– Повторюсь – тебе надо активнее в ее сторону работать... Я гляжу, ты на физкультуре времени не терял, да? Обжимались даже...

– Не капай, а? – попросил я. – И без тебя тошнилово...

– Ну, смотри, смотри... Папаша уже приехал?

Я кивнул.

– Как настрой у родителя?

Я поморщился.

– Все очень просто, – сказал Шнобель. – Про Гобзикова скажешь, что он сам на тебя кинулся, ты просто превысил немного пределы допустимой обороны.

– Ну да, превысил, – усмехнулся я.

– Насчет позавчерашнего же советую все отрицать, – продолжал советовать Шнобель. – На всякий случай. Не знал, не видел и вообще не при делах. В преферанс играл. Мы вместе играли.

– Я не играю в преферанс.

– Да какая разница... – Шнобель похлопал меня по плечу. – Ладно, держись, давай...

И Шнобель побежал к Лазеровой, которая чертила что-то в тетрадке и всем своим видом показывала, что ей смертельно скучно жить. Я посидел еще какое-то время на подоконнике. Мимо проходили ученики. Некоторые поглядывали на меня с интересом, другие без интереса, мне было все равно.

Подрулила Мамайкина.

– И за что ты Гобзикова отлупил? – спросила она.

– Он назвал тебя дурой, – соврал я. – И коровой. Сказал, что у тебя зад, как Братская ГЭС. Что ты не то что книгу, ты свое имя написать не можешь...

– Давно было пора этого гада отделать, – сказала Мамайкина. – Я ему еще сама добавлю.

И направилась в класс.

Я сидел на подоконнике. Гобзикова не было видно, и мне стало почему-то гнусно. А вдруг я этому бобику что-нибудь сломал? Или отбил. Тогда вообще вилы. Крапива...

Со стороны учительской показалась Зучиха. Она приблизилась ко мне, молча взяла за локоть, сдернула с подоконника и поволокла в класс безо всяких церемониалов. Водворила меня на первую парту. Так провинившимся полагалось. По лицейскому распорядку. По полицейскому распорядку.

Лицейсты притихли. Зучиха заняла место за кафедрой. Сунула руку сначала в правый карман, затем в левый. Из левого достала фигурку мамонта, выточенного из мамонтовой же кости, поставила на правую сторону кафедры. Я про себя усмехнулся. Мамонт предназначался для впитывания негативной энергии. Все психологи урожая последнего десятилетия обожали такие вещицы. Камни с дырками, янтари с застрявшими осаами, крокодиловый глаз в оправе из опала – все эти предметы должны были адсорбировать вредные поля. Когда кость мамонта почернеет, это будет означать, что количество сглазов на кубический сантиметр превысило все допустимые нормы и мамонта надо менять, заводить нового. У Зучихи мамонт был уже довольно желтый, но все еще ничего, боеспособный.

Разобравшись с мамонтом, Зучиха положила на кафедру черную папку. Черная папка была папкой порицательной. Имелась еще папка красная, хвалительная, но сегодня красная папка была не задействована. Зучиха развязала черную папку, поворошила минуту бумаги, затем приступила к повестке дня.

– Сегодня мы собрались, чтобы обсудить безобразные происшествия, случившиеся в нашем учебном заведении за последние дни...

Голос у Зучихи был тяжелый, праведный и мозголомный – два года назад Зучиха стала вроде как кандидатом психологических наук и считала, что каждый настоящий кандидат психологических наук должен иметь суггестивный голос.

Я осторожно, из-под локтя, осмотрелся. Старый сидел за последней партой. Выглядел он достаточно спокойно, но по лицу бродили неровные пятна, отчего я заключил, что старый, наверное, в ярости.

И еще – старый складывал и раскладывал телефон, что тоже было верным признаком бешенства.

Плохо дело. В бешенство старый впадал редко, но если уж впадал, то ничего хорошего ожидать не приходилось. Еще бы. Позвонили на работу, сорвали с совещания. Позор. Старый приехал, но даже разговаривать со мной не стал. Молча прошел в кабинет Зучихи, а появился оттуда уже весь пятнистый. Сразу проследовал в класс и уселся за парту. Минуты две рассматривал стенды «Весело живем-с», затем взялся за телефон. Я подивился изобретательности корейских инженеров – старый энергично корячил трубку, а она ничего, синим светом только поблескивала. Вообще работа у старого нервная, раньше он менял раскладушки примерно раз в два месяца, последняя модель держалась уже шесть. Молодцы корейцы, азиатский тигр делает прыжок, короче, надо послать на фирму сердечно-сосудистую благодарность.

– Пора покончить с проявлениями нетерпимости в нашем Лицее! – продолжала Зучиха. – В то время как все общество стремится к построению толерантности, в нашем учебном заведении зреют семена ксенофобии и нетерпимости! Кокосов, встань, пожалуйста!

Я поднялся.

– Поглядите на него! – Зучиха указала в меня ухоженным мизинцем. – Сегодня после урока физкультуры имело место безобразное происшествие. До конца года осталось каких-то полтора месяца – и тут такое...

Класс улыбнулся, класс был в курсе безобразного происшествия.

– Может, ты все-таки расскажешь? – спросила Зучиха.

Я отыскал глазами Лару. Зачем-то. Вообще хотел отыскать глазами Мамайкину, а отыскал совсем не Мамайкину, до Мамайкиной совсем немного недотянул. Полтора градуса, девять секунд.

Лара сидела и смотрела в стену. Что за тупая привычка смотреть в стену? Тут, можно сказать, жизнь у человека решается, драматический накал, меня сейчас судить практически будут, а она в стену смотрит, будто и не при делах вовсе! А я, между прочим, не собака какая-то...

– Кокосов! – Зучиха повысила голос. – Что произошло?! Расскажи!

– Я подавился яйцом, – сказал я.

Класс заржал.

Старый скрипнул зубами так громко, что услышал даже я. Впрочем, металлокерамика у него в челюстях вообще была вечная, можно рельсы перекусывать, не страшно. А вот Вера Халиулина, сидевшая за предпоследней партой, с испуга даже слегка сместилась вправо.

– Прекрати немедленно строить из себя идиота! – топнула ногой Зучиха.

– А чего? – растерянно огляделся я. – Я на самом деле подавился яйцом. Оно у Аверьяна Анатольевича выкатилось из куртки...

Класс заржал еще громче.

– Это было куриное яйцо, – принялся объяснять я. – Или перепелиное. Автол... Аверьян Анатольевич взял его на обед, потом он поскользнулся, упал, и яйцо выкатилось и закатилось за гири...

– За какие еще гири? – спросила Зучиха.

– За разные. Они были разного достоинства. Были гири в шестнадцать килограммов, были гири в двадцать четыре, были гири...

– Довольно! – перебила меня Зучиха. – Хватит...

– Это яйцо стукнулось о гирию и разбилось, а я зачем-то взял его и съел. И подавился...

Лицеисты лежали. Даже Лара улыбалась, я видел это. А чего, собственно, это ей улыбаться? Я же из-за нее подавился этим тупым яйцом.

– Расскажи про инцидент в раздевалке, – потребовала Зучиха.

– Ну да, инцидент в раздевалке...

– Вот и я о том же, – встрял Чепрятков. – Захожу я, значит, в раздевалку, а там такой инцидент⁴, мама дорогая...

– Ребята, хватит идиотничать, – Зучиха переключилась на толерантность, – мы все оценили ваше чувство юмора. А ты, Кокосов, постыдился б хотя бы своего отца!

Я устыдился и принял покорный вид. Надо продемонстрировать раздавленность, сделать приятное старушке Зучихе, в конце концов.

– Кокосов! Расскажи нам, за что ты избил Гобзикова?! За что? И не вздумай отпираться!

– За что? – удивленно спросил я.

– Да, за что?! – Зучиха обняла кафедру с такой силой, что дерево хрустнуло, а мамонт из мамонтовой кости подскочил.

– Да ни за что, – ответил я. – Мы просто подрались...

– Просто подрались?! А то, что его мать мне звонила вся в истерике?

На это я не нашелся что ответить. Мать в истерике – это серьезно. Было, правда, у меня искушение ответить, что и мой старый тоже в истерике, но, я думаю, это было бы уже чересчур круто. Мне бы не простили, мать – это святое.

– За что ты его побил? – Зучиха уставилась на меня психоаналитическим взглядом. – За то, что его мать работает в магазине, а твой отец глава фирмы?

Класс дружно поглядел на старого.

Я тоже растерянно оглянулся на него. Он все-таки являлся не главой фирмы, а юристом и совладельцем, и он уже не был пятнистым, был равномерным. Мобильник раскладывался

⁴ Завуч неправильно произносит слово «инцидент», Кокосов и Чепрятков ее передразнивают.

и складывался быстро, приближаясь к скорости невидимости. Скоро сломался бы, корейский тигр не выдержал бы, даже тигры не вечны.

Интересно было бы узнать телефон...

– Да при чем тут это? – растерянно спросил я. – При чем тут магазин? Мы просто подрались, я же говорю...

– Просто подрались? – Зучиха неожиданно перешла на проникновенный тон. – Значит, вы просто подрались... А ты знаешь, что твое избиение Гобзикова – это не что иное, как проявление социальной нетерпимости?

– Какая нетерпимость...

– Руководство Лицея не потерпит нетерпимости, Кокосов! – Зучиха неожиданно стукнула мамонтом по кафедре. – Не потерпит!

Класс затих.

Зучиха треснула по кафедре уже кулаком, мамонт свалился на пол.

– В соответствии с Уставом Гуманитарного Лицея им. М.Е. Салтыкова-Щедрина ученику лицея Кокосову Евгению выносятся второе в этом году дисциплинарное предупреждение!

Пригвоздила Зучиха. Меня. Кстати, первое предупреждение я получил за пререкания с самой Зучихой, еще осенью. А с тех пор паинькой просто был.

– Дисциплинарное предупреждение! – повторила Зучиха.

Класс охнул. Чепрятков злорадно хихикнул.

– Чепрятков! – Зучиха тут же явила снайперско-педагогические качества. – Я бы на твоём месте не радовалась! У тебя у самого уже два предупреждения!

Чепрятков злорадствовать перестал.

– И чтобы положить наконец конец кокосовщине, родительский комитет постановляет. Ты, Кокосов...

Интересно, подумал я, когда это они успели постановить? Вроде бы подрались-то мы совсем недавно, а поди ж ты, родительский комитет постановил...

Зучиха снова пронзила меня мизинцем.

– Ты, Кокосов, должен будешь извиниться перед Гобзиковым. Всю процедуру извинения ты должен будешь записать на видеокамеру и предоставить видеоотчет в родительский комитет.

Я оторопел. Зучиха в самом деле шагала в ногу со временем, в самом деле внедряла новые технологии. Крапива какая...

– Как? – спросил я. – Извиниться перед...

Чепрятков заржал.

– Вот именно, – безапелляционно сказала Зучиха. – И предоставить видеоотчет!

– Да вы что... – пытался подать я голос разума.

– За исполнением данного вида наказания родительский комитет обязует проследить отца – Кокосова Валентина Сергеевича.

Старый привстал из-за парты и мелко поклонился. Мне стало совсем тошнотно и гнусно.

– Кокос, сделаешь мне копию! – попросил Чепрятков.

– Чепрятков! – оборвала Зучиха. – На тебя Аверьян Анатолевич мне уже тоже жаловался!

– А я ничего, – облез Чепрятков. – Это не я Гобзикова покалечил, это Кокосов. О, этот Кокосов! Чудовище насилия, бич всех приличных людей нашего славного Лицея. Всех затерроризировал! Он, между прочим, и мне угрожал...

Класс засмеялся.

– Чепрятков! Прекрати балаган!

Чепрятков вздохнул и уткнулся в свой сотовый, доламывать тетрис.

– Теперь перейдем ко второму происшествию, – трагически сказала Зучиха, носком туфли подогнала к себе мамонта. – К сожалению, беды посыпались на нас рекой. В субботу вечером в нашем Лицее имело место удивительное по своей циничности событие. В машину нашего уважаемого физкультурника была заложена... субстанция.

Я просто почувствовал, как напрягся за моей спиной Шнобель.

– Какая еще Констанция? – не удержался Чепрятков. – Везет же Автолу, ему Констанцию прямо в машину закладывают...

– Выйди! Выйти вон!

– Правды никто не любит... – Чепрятков с облегчением встал и направился к выходу.

– Стой! – остановила его Зучиха. – Вернись. Я хочу, чтобы ты тоже это послушал. Тебе полезно будет. И ничего смешного здесь нет, случай экстраординарный! Кокосов, можешь сесть на место.

Я сел. Чепрятков тоже вернулся за свою парту.

– Я продолжу, – Зучиха потерла пальцами переносицу, – с позволения господина Чепряткова... В субботу вечером в автомобиль нашего физкультурника была заложена жидкость. Эта жидкость сейчас находится на экспертизе, но уже сразу можно сказать, что в ее состав входит вещество, вызывающее ожог.

– На сиденье ожог? – уточнил Чепрятков.

– Прекрати паясничать, ты не в опере!

Аргумент получился железный, сразил даже Чепряткова.

– Только благодаря чистой случайности Аверьян Анатольевич не пострадал! – Зучиха погрозила кому-то кулаком.

Это она зря. Разрушила тщательно выстроенную психологическую достоверность.

– Зато пострадал наш всеми уважаемый хозяйственный работник Демьян Леонидович.

Класс непонимающе переглянулся.

– Это Киллиан, – объяснил Чепрятков.

Шнобель громко икнул.

Вот как. Оказывается, Киллиана – Кошачью Смерть – зовут Демьян Леонидович. Демьян Леонидович Киллиан – неплохо.

– Я хочу спросить вас: у кого поднялась рука на пожилого человека? – спросила Зучиха. – Он обходил территорию и по просьбе Аверьяна Анатольевича проверял его автомобиль...

Практически у всех, во всяком случае, у большинства мальчуковой половины класса рука хоть раз поднималась на пожилого человека. Над Киллианом подшучивали почти все. Подсунуть в одноразовую Киллианову лапшу земляных червей, а потом наблюдать, как подслеповатый хозяйственный работник их с аппетитом поедает, – в подлунном мире не найти забавы краше, круче, веселее. Хороший тон.

– Демьян Леонидович сейчас лежит в больнице. Его жизни и здоровью ничего не угрожает, но он там пробудет не меньше двух недель. А кто будет оплачивать ему больничный?

Неожиданный, блин, поворот.

– Кто будет оплачивать больничный, я спрашиваю? Такой случай не подпадает под страховку, так что больничный придется оплачивать Лицею. А это немалые деньги. Да и вообще, дело серьезное. Поэтому настоятельно рекомендую вам признаться.

– А может, это из другого класса кто? – Антон Бич попытался перевести стрелки.

– Другим классам я тоже рекомендовала, я к вам не к первым пришла.

В голосе Зучихи лязгнул супертитан.

– Если у кого-то не хватает смелости признаться самому, пусть это за него сделают его товарищи.

Вот как, однако.

Я перепугался. Перепугался, что Лара сейчас возьмет да все и расскажет. В конце концов, я ведь ее совсем не знаю. Мне очень хотелось обернуться в ее сторону и подать незаметный знак, но я чего-то боялся.

– Повторяю свой вопрос. – Зучиха из-под очков оглядывала класс. – Если кто-то имеет информацию, касающуюся субботнего происшествия, то пусть он сообщит. В противном случае...

– Гобзиков пусть платит, – неожиданно предложил Чепрятков. – Пусть он.

Класс промолчал. Это был, пожалуй, перебор. Перебор в смысле подлости. На мелкую подлость коллектив был, в общем-то, согласен, подличать по-крупному не хотелось никому. К чему обременять по пустякам совесть?

– Я говорю, пусть Гобзиков платит, – повторил Чепрятков. – Черви, как вы считаете?!

И Чепрятков грозно обернулся к классу.

– Я вас, кажется, спросил?!

Зучиха наблюдала за происходящим. Не без удовольствия.

– А почему он? – возмутилась вечно справедливая Зайончковская.

– А почему не он? – спросил в ответ Чепрятков.

– Но ведь не доказано, что это он сделал! – спорила Зайончковская.

– Доказано – не доказано, какая разница... Пусть Гобзиков платит. Я верно говорю?

Антон Бич отвернулся, сделал вид, что не слышит. Каратисты и гаишные близнецы робко кивнули. Некоторые другие тоже кивнули. Кивнули и одновременно не кивнули, сделали головой движение, которое можно было истолковать и так и так.

Лара продолжала изучать стену. И что там на стене этой интересного? А может, это вызов? Изучая стену – изучаешь мир?

Старый от удивления перестал раскладывать свой телефон. День чудес продолжался.

Кстати, наверное, тогда все по-настоящему и началось. Странное время.

– Гобзиков. – Чепрятков выбрался из-за стола и принял позу римского сенатора. – Это, без сомнения, Гобзиков. Во всяком случае, никто не против. Не против ведь? – строго спросил Чепрятков. Судя по тишине, большинство моих одноклассников было не против.

– Да он это, – сказала Мамайкина. – Гобзиков. Он вообще себя безобразно ведет, про девочек разные гадости рассказывает...

Я хотел оборвать Мамайкину, сказать ей, чтобы заткнула свой тупорылый рот, но не оборвал. Промолчал как собака. Почему-то.

– Кстати, весьма может быть, что это и на самом деле Гобзиков, – подтвердил Шнобель и подмигнул мне. – У Гобзикова нелады с физкультурой, а скоро ведь зачеты. Он бы их вряд ли сдал. Так что если искать мотивы...

Зучиха просто светила от счастья.

– Объективное вменение⁵ давно запрещено законом, – робко заявила правдолюбивая Зайончковская. – Вы же не знаете наверняка, что это он...

– Знаем, – твердо заявил Чепрятков. – А ты, Черпак С Ногами, молчи.

Зайончковская вспыхнула.

– Чепрятков, ты края-то соблюдай, – буркнул Антон Бич.

Антон симпатизировал Зайончковской, к тому же он тоже вроде бы собирался в будущем сделаться юристом.

– Спокойно, Антоша! – Чепрятков сделал примиряющий жест. – Мир-дружба, я тебя на следующей неделе пришибу. Что ты там пропищала, Зайончковская?

– У нас презумпция невиновности в Конституции записана, – сказала Зайончковская. – Никто не может быть наказан иначе как по решению суда...

⁵ Привлечение к ответственности без установления вины.

– А я о чем, радость моя? Только по решению суда. Товарищеского суда – самого строгого, самого беспристрастного суда в мире! Давайте проголосуем!

Чепрятков принялся расхаживать между партами.

– Проголосуем и определим степень вины, – предложил Чепрятков. – Мы живем в демократическом обществе, в конце концов, а глас народа – глаз божий.

Чепрятков оглянулся на Зучиху. А она стояла себе, никаких эмоций.

– Вот и руководство одобряет, – заключил Чепрятков. – Легитимность есть.

– Но это же произвол... – продолжала сопротивляться Зайончковская. – Так нельзя...

– Милая Зайончковская, – сладко сказал Чепрятков. – Мы и так все знаем, что ты мечтаешь стать адвокатом и спасать невинно осужденных. Но, пожалуйста, сядь и помолчи. Составь прошение в Страсбургский суд по правам человека.

Чепрятков рассмеялся. Зайончковская уселась за парту и отвернулась.

– Итак, голосуем, – взмахнул руками Чепрятков. – Кто за то, чтобы назначить виновным Гобзикова, прошу поднять руки.

Руки поднялись.

– Ага, большинство, – удовлетворенно кивнул Чепрятков. – Воздержавшихся в расчет брать не будем, воздерживаться несерьезно. Теперь прошу проголосовать тех, кто против.

Я не ожидал, но несколько рук все-таки поднялось. Четыре.

Конечно же, против была староста Зайончковская. Я в этом не сомневался. Правовое государство да будет построено!

К моему удивлению, руку подняла Верка Халиулина. Она, наверное, Гобзикова просто пожалела, Верка всегда жалела бездомных животных, такая уж натура.

Третьей была Лара. Тут уж понятно. Она знала настоящего виновника, знала, что Гобзиков ни при чем, вот и проголосовала.

А четвертой вот Лазерова. Почему это сделала она, я понять не мог, девчоночья душа – потемки. Но Лазерова тоже не хотела назначать Гобзикова виновным. Себе я сказал, что это, наверное, материнский инстинкт. Достойное чувство.

Я не поднял, да. А что мне было делать? Если бы я поднял руку, то все бы меня заподозрили. Что это получается, час назад я, значит, с Гобзиковым подрался, а теперь его защищаю? Подозревать бы стали, а сейчас подозрения мне ни к чему.

– Против жалкое меньшинство, – прокомментировал Чепрятков результаты волеизъявления. – Значит, платить будет Гобзиков. Он, кстати, и так бесплатно учится, так что ничего с ним не произойдет, если разочек они и забашляют. Это справедливо! Как вы считаете, Галина Сергеевна?

Зучиха, она же Галина Сергеевна, покивала.

– Вот и славно, – сказал Чепрятков, – вот и хорошо...

Довольный Чепрятков уселся на свое место.

Зучиха выдержала паузу. Потом сказала, тихо так, негромко:

– Знаешь, Чепрятков, ты сегодня меня несколько утомил. Ты, оказывается, такой активный... В тебе просто умирает руководящий работник. Ты вот все качаешься, а тебе надо двигать по административной линии. Любишь организовывать, любишь назначать наказание по справедливости? Любишь, чтобы отвечали самые слабые?

– Я не виноват, что он такой дохлый, – огрызнулся Чепрятков.

– Не виноват. Да... Справедливость. Что есть справедливость? На этот вопрос не дали ответа ни философы, ни ученые. Причем на протяжении столетий не дали, причем лучшие умы! А ты, Чепрятков, за десять минут организуешь нам справедливость в одном отдельно взятом классе! Да...

Зучиха принялась гладить по спинке своего вымершего слона. Задумчиво так, большим пальцем. И я вдруг понял, что сейчас она продемонстрирует нам всем нечто небывалое. Высшую справедливость, например.

И высшая справедливость была явлена. Во всем своем блистающем и ужасном великолепии!

– Я вот что сделаю, Чепрятков. Я, пожалуй, возложу оплату лечения нашего дворника на тебя. То есть на твою мать. Уверена, что ей это понравится.

Класс восторженно шевельнулся.

– За что меня?! – обиженно крикнул Чепрятков. – За что меня наказываете? Я же не виноват...

– Наказаний без преступлений не бывает, – изрекла Зучиха. – Это еще древние говорили. А два... Зимой ты, кажется, разбил зеркало в раздевалке? Тогда руководство Лицея тебя простило, но ты, я гляжу, не сделал надлежащих выводов...

– Я...

– И не советую противиться! – Зучиха снова стукнула мамонтом о кафедру. – В противном случае заработаешь третье предупреждение!

Чепрятков задохнулся.

– И вообще лучше помолчи. – Зучиха прибила Чепряtkова взглядом к парте.

Ай да Зучиха! – подумал я. Ай да ай. Слов нет. Хотя... У Гобзикова все-таки губернаторская стипендия, а губернатор хоть изредка, да посматривает за своими стипендиатами. И губернатор очень не любит, когда обижают его питомцев.

Политика-с, однако-с.

– Колитесь, сволочи! – тихо потребовал Чепрятков. – Кто?! С чего это я должен за вас платить?!

– Чепрятков!

– Узнаю, кто это сделал на самом деле, – убью! – пообещал Чепрятков шепотом. – Убью. И злобно громыхнул стульями.

Зайончковская молчала. Против объективного вменения Чепряткову она ничего против не имела.

– Зря вы молчите. – Зучиха стала собирать в гробовую папку свои документы. – Круговая порука – это страшное наследие тоталитарного режима. Я понимаю, что вы пребываете в плену дремучих заблуждений, но человек попал в больницу, не исключено, что ему будет сделана пересадка кожи.

Сердце неприятно билось. Мое, разумеется.

Зучиха продолжала:

– Впрочем, каждый из вас может выполнить свой долг заочно. Вы все знаете, где расположен наш Ящик Доверия, вы все знаете номер Телефона Доверия. Если кому-то из вас известна информация, прошу сообщать. Конфиденциальность гарантирована. Естественно, если будет найден настоящий виновник, наказание с Чепряtkова снимут.

Чепрятков рыкнул.

– Все, классный час закончен. – Зучиха кивнула и удалилась.

Разделяй и властвуй.

«Государь».

Николо Макиавелли, вечно молодой, вечно актуальный.

Старый вышел за Зучихой. Чепрятков тоже выскочил.

– Какие вы все свиньи, – негромко сказала Зайончковская.

Но класс этого не услышал, все уже занялись миллионом собственных дел: стали ругаться, торговать домашними заданиями, зубрить отрывок по литературе, шептаться, играть в карты.

Ко мне подошел Шнобель.

– Вот видишь, как все получилось, – сказал он. – Этого гада и без тебя покарали...

Я не понял кого, Чепряткова или Гобзикова. Но болтать мне не хотелось. Болтовни у меня сегодня еще будет. Объяснение со старым, объяснение по телефону с матерью. Тупо.

Я посмотрел на Лару. Но Лары не было, она уже как-то исчезла. Настроение у меня было средневеселое, впереди ждала математика, а математику я не любил.

Глава 6

Вселенная экономическим классом

Вечером того утомительного дня понедельника я и Шнобель забрались в трубу. Я задраил шлюз, задраил окна, приложился лбом к железному боку. Труба была холодной – земля не прогрелась – и мелко подрагивала, переключаясь с далекой трамвайной линией. Сегодня подрагивала сильнее, грузовые трамваи тянули рельсы в сторону нового цемзавода, лоб у меня заболел, зубы застучали, я отлип от трубы, уселся в кресло первого пилота и спросил:

– Узнал чего?

– Узнал, – ответил Шнобель. – Лазерова уже это... проникла в суть.

– И что?

– Что-что, то. Говорят, что ее нашли в лесу.

– В каком лесу?

– В хвойном, – ответил Шнобель. – А может, в смешанном. Елки, шишки, коростель...

– При чем тут коростель?

– Ни при чем. Просто слово приятное, многим нравится. И что за глупые вопросы вообще, иван? Я тебе рассказать собираюсь, а ты сразу сбиваешь, поземку гонишь...

– Ладно, ладно, – сказал я, – молчу, излагай.

– Ну, так вот, ее нашли в лесу зимой. Она сидела на камне. А Панченко как раз там проходила...

– Какой Панченко? – перебил я.

– Не какой, а какая, иван. Панченко Наталья Константиновна. Она раньше литературу вела, а теперь газетный кружок ведет, забыл, что ли? Журналистский кружок то есть.

– Тупой кружок...

– Многим нравится. Но не важно...

Шнобель устался на кофейную машину и смотрел на нее так, что машина неожиданно включилась и замигала разноцветными огоньками.

– Понятно, – сказал я.

Я развязал шнурки кроссовок, поставил их на специальную сушильную полочку, дотянулся до своей любимой персональной кофейной машины.

– С ореховым вкусом-то есть? – спросил Шнобель. – В прошлый раз ты обещал...

Я промолчал.

– Я же знаю, что есть, – сказал Шнобель.

– Эта машину из Америки привезли, – сказал я. – Она не предназначена для наших орехов, у них квадратность повышенная. Расскажи лучше еще про Лару.

– Ну, ладно. Вот так оно и случилось. Наталья Константиновна шагала по улице, то есть по лесу, конечно. Собирала грибы...

– Это же зимой вроде бы было, – напомнил я.

– Ну не грибы, не грибы. Она охотилась на белку, знаешь, Панченко такая охотница и туристка – ой-ой-ой! Тетка старая, а ей хлеба не надо – давай в байдарке сплавиться... Ну да. И вдруг в самом разгаре леса она увидела, что на камне сидит девчонка. На девчонке была только кожаная жилетка, кожаные штаны, и все, одежды мало, а сапоги из такой роскошной кожи – квадратный метр пять штук баков, между прочим. Панченко оторопела, а потом, конечно, ее с камня сняла и потащила к жилью. Врачей вызвала, милицию с собаками, искусственное дыхание сделали. Ну, короче, потом эта новенькая Лара почти два месяца в больнице провалялась. Воспаление легких и с головой чего-то. Правда, голову потом залечили, воспаление легких исправили, и она вспомнила.

– И что вспомнила?

– А ничего не вспомнила. У нее нет никого. Ни бабушки, ни дедушки, ни папы, ни мамы, ни пальмы, ни собаки, ни дрессированного хомячка даже...

– Сирота, что ли? – спросил я.

– Полная. Батый говорит, что ее попроверяли немножко, но так ничего и не нашли. Она как будто из ниоткуда. Бразильский синдром.

– Чего?

– Ну, иван, ты неврубант просто жуткий! Сериалы-то какие-нибудь смотришь по утрам и вечерам?

– Не...

– Ну ты по правде, иван! – Шнобель хлопнул по коленкам. – Смотри сериалы, это школа жизни. Там так одеваются! Все новое можно узнать только из сериалов! Но не буду вдаваться. В сериалах все время кто-то теряет память, это такой сюжетный ход. Ничего не помнят. А потом, само собой, вспоминают. Так и с новенькой Ларой, и с другими многими. Два ивана из тысячи все время теряют память, такова мировая тенденция.

– Это ты сам выдумал? – поинтересовался я.

– Угу, – нескромно кивнул Шнобель.

– Молодец, однако... – протянул я.

Шнобель гнал. Это не он придумал. Сам я статью «Бразильский синдром» прочитал на прошлой неделе. На мыло упала рассылка, а в ней статья, я прочитал ее на биологии.

«Бразильский синдром». Автор криптопсихолог Дикерс О. рассказывал, что в последнее время среди подростков наблюдается феномен НВП. Немотивированного Выпадения Памяти. Подростки теряют память. Не всю, часть. Стираются последние месяцы, иногда годы. По подсчетам Дикерса, «бразильскому синдрому» подвержены примерно два подростка из тысячи.

Причину этого явления криптопсихолог видел в следующем. По его мнению, в центре планеты Земля был скрыт информативный модуль...

Когда дело дошло до информативного модуля, я в статье разочаровался и до конца ее не дочитал. Идею зарытого в центр Земли суперкомпьютера я не одобрял, поскольку все нормальные люди знали, что в центре Земли раскаленное ядро, а никакая не ЭВМ. А идея о «бразильском синдроме» мне показалась вполне вменяемой, я сам иногда не помнил, что со мной происходило на прошлой неделе.

– Так что эта баранка Лара ничего не помнит, – сказал Шнобель и снова поглядел на кофейную машину. – Это тебе в плюсы, иван.

– Почему? – поинтересовался я.

– Как почему?! Если у нее в прошлом были хахали, то теперь она о них вряд ли помнит. И ты сможешь предстать перед ней в лучших раскрасках. А Мамайкину бросай через бедро.

– Это нехорошо.

– Нехорошо. Но надо. К тому же я тебе говорю, эта Лара... у-у... А Мамайкина неинтересная. Без огонька. Или ты решил все-таки развернуться?

– Да нет... Просто она...

Ушла. Даже не оглянулась. А на математике тоже смотрела в стену! Математика – серьезный предмет, на математике нельзя в стену. Так всегда они, сначала смотрят в стену, затем умоляют: «Женечка, милый, дай третье задание списать». Будет меня умолять – ничего не получит! Подумаешь, жизнь мне, типа, спасла. Да, может, я специально подавился, чтобы посмотреть, осталось ли в нашем классе хоть что-то человеческое...

– Ну тогда не парься, – успокоил Шнобель. – Пригласи ее в «Бериозку»... Хотя нет, «Бериозка» – это для мамайкиных. Пригласи ее в планетарий.

– Носов, у нас нет планетария. И вообще, она какая-то не такая. Чего она в очках все время ходит?

– Это имидж, иван, впрочем, тебе не понять. А насчет планетария тухло... Как мы живем, иван! В нашем городе даже планетария толкового нет. Тогда пригласи ее в зоопарк.

– Почему в зоопарк? – удивился я.

– Просто. Мне кажется, она любит животных. Но это твоя проблема, куда пригласить, куда-нибудь пригласи.

Кофе-машина опять замигала старомодными огоньками и распространила шоколадный запах.

– Про Каспера Хаузера слышал? – спросил Шнобель.

– Не...

– Это, короче, типа Маугли.

– Какой еще Мау€гли?

– Да не Мау€гли, иван, а Маугли. С ударением не на «у», а на «а». Его, короче, волки воспитали. Ну, еще медведь там был кривоногий и эта... Багира. Багира – она ягуар.

– Какой «Ягуар»? С открытым верхом или седан?

– Ну ты, иван, и тормоз! – С досады Шнобель даже плюнул. – Гидравлический тормоз. У тебя что, сегодня день торможения?

И Шнобель постучал себя по голове.

– Ты чего, Шнобель, – засмеялся я, – в одно ухо влез, в другое вылез? Ты чего, решил, что я на самом деле не знаю, кто такой Маугли?

– А кто тебя... В твоей этой трубе все мозги могут закиснуть... Ты в ней безвылазно загораешь.

– Ты мою трубу не трожь, она меня от смерти спасла...

Это было правдой. В прошлом году ветер выворотил старый тополь, тополь проломил забор и рухнул на участок. Если бы не труба, тополь рухнул бы точнехонько на мою голову. Тополь разломился пополам, а труба даже не помялась. Я распилил тополь на дрова, а трубу выкрасил в победный оранжевый цвет.

– А я и не трогаю, – сказал Шнобель. – Можешь со своей трубой хоть целоваться... Труба, труба, надоела мне твоя труба...

Да уж, в вечер трудного понедельника я и Шнобель сидели в трубе.

Не в такой трубе, через которую дым небо отравляет. И не в той трубе, через которую нефть в Европу бежит. И не в той трубе, что в смысле безнадеги. Мы сидели в трубе, точного назначения которой я не знал. Но когда меня кто-нибудь спрашивал:

– Кокос, а что за труба-то?

Я отвечал:

– Это не труба, это фюзеляж.

После чего рассказывал, что это на самом деле не труба, это фюзеляж межконтинентальной баллистической ракеты «СС-18», широко известной как «Сатана». Пуск одной такой «Сатаны» мог стереть с лица Земли Калифорнию. Или Флориду, ну не суть важно, Алабаму, короче. В свое время этих ракет сделали слишком много, сначала хотели продать в Северную Корею, потом побоялись, что они их нам обратно запустят, стали распиливать и продавать всем желающим для бытовых нужд.

Я и Шнобель сидели в трубе, настоящая же, не межконтинентальная, история этой трубы была такова.

Когда маленький я учился еще в первом классе, старый зачем-то купил трубу. Хотя не зачем-то, а по делу. Хотел из нее колодец создать, но потом оказалось, что до водных горизонтов никакой трубы не хватит. Первое время старый еще вынашивал планы сдать трубу в металлолом, потом плюнул. Так труба и осталась валяться на заднем дворе.

А во втором классе я посмотрел кино про американских астронавтов и неудачный полет на Луну «Аполлона-13», посмотрел да и решил переоборудовать трубу в космический корабль. Благо размеры позволяли.

С помощью старого (не последнего уже тогда человека в «Джет-авиа») я оборудовал трубу по последнему слову космостроительной моды. Наладил шлюзовую камеру, то есть дверь с замками. Прорезал иллюминаторы. Настоящие иллюминаторы, савтогененные со старых пассажирских «тушек». И кресла пилотов настоящие, даже не зашитые ни разу. И даже приборная панель со всеми положенными стрелками и кнопками и та была.

С космическим кубриком, правда, вышли затруднения, кубрик, несмотря на все старания, походил на обычные нары, но это уже были мелочи жизни.

Через две недели ежевечерней работы «Аполлон-13» был готов и отправился в путь к единственному спутнику нашей планеты, проще говоря, к Луне. Было это давно. И с того времени, как пишут ленивые авторы, прошли годы. Я несколько подрос и мог вполне уже до верха трубы допрыгнуть. И кроме «Аполлона», появились у меня и другие интересы. Встал я на роликовые коньки, а потом и на сноуборд, увлекся рыбалкой, старый купил мне мопед, и я потихоньку стал задумываться уже о мотоцикле...

Впрочем, трубу я не забросил. Даже напротив, модернизировал.

Переделал ее из «Аполлона-13» в небольшое убежище. Место, куда можно уйти от домашней пилежки, где можно посидеть, поговорить, а иногда, когда домой идти влом, и поспать.

Первоначально в трубе можно было сидеть только летом, но со временем я обустроил трубу и под зимнее пребывание. Обмазал гудроном, обмазал смолой, завалил ее по бокам и по крыше утепляющей землей. Поставил печку с высоким КПД, вывел трубу и вентиляцию. И стало можно в трубе жить и зимой.

А для культурного досуга я плеер завел, телевизор да и вообще все, что надо для вменяемой жизни. Карту мира еще, автомат по производству кофе трех сортов, чая, шоколада и какао.

С момента переоборудования все свободное время проводил я в трубе. Лежа на койке, читая книжку или долбаясь в игровую приставку. Или глядя в небо. Вообще я хотел поставить сюда еще телескоп, но на телескоп старый наложил гнусное собачье вето. Типа стоит немало, а пользы никакой. Вместо телескопа старый подарил мне атлас звездного неба на DVD и посоветовал изучать Вселенную экономическим классом.

Я не обиделся, хотя от телескопической мечты не отказался. Да и в люк с помощью обычного бинокля звездное небо можно было вполне лицезреть... Вот сейчас в люк были видны ранние звезды. Те самые, экономическим классом.

– Что-то олдосы задерживаются, – сказал Шнобель, позвонив домой.

– Может, их похитили? – усмехнулся я.

– Вряд ли. – Шнобель понюхал воздух. – Кому они нужны... Чего папаша, бесился?

– Не, – покачал головой я. – Просто не разговаривает. Но это даже к лучшему. Потом успокоится. Давай про Лару лучше еще расскажи. Что тебе Лазерова еще сказала? Не, я не то чтобы это, просто в целях просвещения...

Шнобель пожал плечами.

– А ничего не сказала. Они все сейчас симпатичные и какие-то одинаковые. Ты, Кокос, не замечал, что все современные девчонки какие-то одинаковые?

– Не, – не согласился я. – Не одинаковые. Разные. Она разная.

Шнобель согласился, что да, вроде ничего, правда, он ее толком не разглядывал, был занят другими делами...

– Прическа какая-то странная, – сказал он. – То ли косички были раньше заплетены, то ли еще что...

– Мне кажется, что раньше у нее были красные волосы, – задумчиво сказал я. – Или рыжие такие. Какие-то перья торчат... Будто она в блондинку пыталась перекраситься.

– А у них у всех сейчас волосы разноцветные, – хмыкнул Шнобель. – Кривошлыкову видел? Она вообще в сиреневый покрасилась. С металлическим отливом. Девчонки подраспустились, на пацанов стали похожи...

– Лара на мультик похожа, – сказал я. – Глаза большие.

– Не заметил, – возразил Шнобель. – Это ты, наверное, мечтаешь так. Знаешь, многие парни по японским мультяшным красавицам прикалываются, в этом ничего постыдного нет...

– Когда большие глаза, то это значит, ум в голове есть.

– Она в очках все время. Ничего не видно, сам же говорил. Откуда ты про глаза знаешь?

– Я видел без очков, – прогнал я. – И большие глаза – это все-таки признак ума.

– Почему это? – поинтересовался Шнобель, мельком взглянул в экран телевизора и убедился, что его глаза большими назвать сложно.

– Передачу про дарвинизм смотрел, – объяснил я. – Чем больше глаз – тем больше информации попадает в мозг. Тем сильнее мозг работает, тем больше в нем извилин. Все просто.

– Если исходить из твоей логики...

– Это не моя логика, это логика Дарвина, – перебил я.

– Если исходить из этой логики, то самым умным существом должен быть лемур. Или филин. Слушай, эта твоя кофемолка только моргает, а ничего не производит. Я шоколада хочу.

Я не нашелся что на это ответить и принялся перезадавать программу кофейной машине, она действительно что-то барахлила. Кофе для себя, шоколад для Шнобеля.

– А она тебя действительно не вломила, – рассуждал Шнобель. – Значит, в ее сердце зародилась симпатия... Хотя с другой стороны, она может настучать и по телефону. Или в Ящик Доверия. И, чтобы она не настучала, ты должен... Короче, ты должен ее обаять...

– Ты мне уже тысячу раз это говорил, достал уже. Мамайкина меня...

– Да ты, иван, Мамайкиной ничего не говори, работай на два фронта.

Я почесал щеку.

– Это как-то... Нехорошо...

– А третье предупреждение получить как, хорошо? – шепотом напомнил Шнобель. – Тоже хочешь в слесари-станочники записаться? Если Зучка проведает... Короче, тогда мы окажемся в полной настоящей трубе. И времени мало, надо брать копыта в руки...

– А зачет, кстати, сдавать все равно придется, – напомнил я. – Автол как был, так и остался. На боевом посту.

– Я работаю над этим, – заверил Шнобель. – Думаю...

– Думай быстрее.

– Как я могу думать быстрее, если твоя шарманка не может даже шоколаду наварить?!

– Свали в туман, – ответил я.

– Сам свали, – захихикал Шнобель. – Вообще попал ты, иван. Реально попал...

– Почему это?

– Ситуэйшн – не позавидуешь. Лару надо обольщать, от Мамайкиной уворачиваться. Но это еще куда ни шло. Самое поганое в другом...

– В чем?

Автомат неожиданно звякнул, что свидетельствовало о готовности.

– Ты забыл? – Шнобель подошел к автомату, ткнул в него пальцем и набрал в кружку горячего шоколада. – Тебе надо извиниться перед Гобзиком. И записать все это на видео.

– Крапива... – протянул я.

– Это, голубчик, не крапива, – назидательно сказал Шнобель, – это плющ ядовитый.

Глава 7

Улица Прасных Картизан

Я никогда не бывал в Берлине. Нет, я, конечно, иногда проезжал с отцом мимо, его аэропорт располагался как раз в той стороне, восемь километров за городом. Но, проезжая, я старался никогда в сторону Берлина даже не смотреть. Поскольку уже давно заметил – стоит только посмотреть даже немного, минутку пусть, как тут же начинаются всякие представления. Начинаешь воображать, будто это ты сам живешь в почерневших и покосившихся домишках с угольными печками. Теснишься в узеньких комнатах с ободранными обоями. А пол в туалете наклонен под углом в пятнадцать градусов, если пользоваться неосторожно, можно провалиться, такие случаи уже бывали.

Так что на Берлин я никогда не смотрел, смотрел в сторону леса.

И никогда я не думал, что мне придется в Берлине побывать. А вот пришлось. Во вторник, вернувшись из Лицея и отобедав норвежской ухой с укропом, я стал собираться в путь.

Вообще я планировал извиниться перед Гобзиковым в самом Лицее, даже видеокамеру с этими целями таскал, но Гобзиков там не появился. Что было довольно странно. Прогуливать Лицей можно было лишь по весьма уважительным причинам. Землетрясения, переломы шейки бедра, падения свинцовых болидов, другие форс-мажоры. Особенно не рекомендовалось прогуливать занятия ребятам, обучавшимся на гранты и стипендии. И раньше Гобзиков не прогуливал никогда. А теперь вот его не было уже два дня, за его партой сидела Лара...

Вот так вот, не успели еще остыть сапоги невинно избиенного Гобзикова, как она уже прыгнула в них! Не успел еще выветриться дух несчастного Гобзикова из ДСП стола, а она уж тут как тут! Сидит, глядя в мою сторону вызывающим затылком! А справа затылок Мамайкиной! Вот даже если сравнить: затылок Мамайкиной тяжелой классической формы, на него приятно смотреть глазу и можно поставить чашку с мате, или кубик Рубика положить, или портативный телевизор. Качественный затылок. Внушающий уважение, солидный.

А у нее не так ведь все! Совсем по-другому! Пялился я на этот затылок почти всю пару, ничего не записывал, все думал и думал. Одной рукой, значит, мне жизнь спасает, другой ногой в еще теплые сапоги забирается, затылком вертя! Могуче. Какие, однако, высоты...

Но я ведь совсем не о ней хотел, а о Гобзикове.

Значит, так. Сначала я решил дожждаться, когда Гобзиков все-таки явится в Лицей. Потом подумал, что когда Гобзиков явится – неизвестно, а мне вовсе не хочется, чтобы неприятная процедура покаяния висела над душой и отравляла существование. И без того проблем хватает.

И я решил съездить к нему домой сам. После третьей пары забежал к секретарю и разведаль гобзиковские координаты.

Гобзиков жил в Берлине. Улица Красных Партизан, 8а. И вот, отобедав прозрачной норвежской ухой, я поспешил навестить улицу Красных Партизан, выкатил из гаража мопед, на всякий случай подкачал шины, подлил в бак бензина. Пожелал сам себе удачи и отправился в Берлин.

Берлин был затянут весной, дымом горящих листьев, гарью пластиковых бутылок. Асфальт кончился на самом въезде, и я пробирался довольно медленно, крупные лужи объезжая, а мелкие проскакивая на скорости, ругал себя за то, что не облачился в мотоциклетный костюм.

Улица Красных Партизан нашлась не сразу. Я пересек Берлин два раза, нашел улицы Гаражную, Строительную, Громобоя, улицу Летчиков-Испытателей. Красные Партизаны открылись лишь с третьего захода. А все потому, что берлинские шутники поменяли на табличке буквы и улица Красных Партизан превратилась в улицу Прасных Картизан.

А вообще это была никакая даже не улица, а так, проулок. Даже тупичок. Пустырного типа. И домов только два: 8а и 8б. Других строений не было, вместо них бельменела проплешина, декорированная редкими руинами. Будто бомбу сбросили.

Дом 8а оказался обычной деревянной двухэтажной халупой. Приблизительно этого я от Гобзикова и ожидал. Шок и мрак, кругом овраг. Возле дома в небольшом палисадничке два совсем мелких шпанюка строили пещеру в куче песка. Я остановился напротив.

– Привет, шпана, – сказал я им. – За тачкой последите?

– Зачем? – удивились ребята.

– Ну, чтобы ниппеля не свинтили... мало ли разных... злоумышленников. Последите?

Мелочь шпанливая кивнула.

Я снял шлем и вошел в подъезд. Ожидал встретить залежи дохлых кошек, но кошек не было, подъезд был неприятно чист. Номеров на дверях квартир не водилось, зато слева от электрощитка висел список жильцов.

Гобзиковы обитали в кв. № 6, второй этаж. Я вздохнул и двинул вверх по скрипучей деревянной лестнице. На площадке между первым и вторым этажом меня чуть не сбило незнакомым ощущением. Мне вдруг почудилось, что мир двадцать первого века за окнами исчез и вместо него материализовался мир века двадцатого, причем первой его половины. Годов этак тридцатых.

Как я их себе представлял.

С тишиной, глубокими реками, деревянными домами, деревянными тротуарами, деревянными водонапорными башнями. С пылью.

Я удивился себе и для того, чтобы убедиться, что я еще в пространстве миллениума, сунул руку в карман, достал мобильник. Мобильник работал, сеть наличествовала, двадцать первый век продолжал распространяться. На всякий случай я еще выглянул в окно, но ничего, кроме сараев и пустыря, не увидел. Заоконный пейзаж вполне мог принадлежать и двадцать первому, и двадцатому, а может даже, и веку девятнадцатому.

Плюнул и поднялся до второго этажа. Стены в подъезде были странные – все в гвоздях. Хорошие гвозди, сотка. Но вбиты безо всякого смысла и порядка, кое-как. Зачем – непонятно.

Дверь квартиры № 6 была приоткрыта, в щель тяжело тянуло тушенкой. Я решил, что лучше не входить так, внаглую, а все-таки позвонить. Позвонил.

Звонка не получилось, но через минуту дверь открылась окончательно, и на пороге объявилась женщина в джинсовом комбинезоне.

Она ничего не сказала, просто стояла и смотрела.

– Здравствуйте, – сказал я. – Я к...

Я вдруг понял, что совершенно не знаю, как на самом деле зовут Гобзикова.

– Я пришел... – Я замялся. – Понимаете...

Она пусто на меня смотрела, так люди смотрят на продавцов электрических зубных щеток.

Я испугался. А вдруг мать Гобзикова с закидонами? Сейчас как вонзится ногтями, зарубит лопатой, спрячет на чердаке. Пригород, одним словом, Берлин, Азия.

– Мы там это... Подрались, короче. Надо поговорить, все дело как-то мирно разрешить... – промямлил я и пожалел, что не оставил дома записки. Что прошу, дескать, в случае чего искать мой охлажденный труп там-то и там-то... А вообще... А вообще я покраснел от общей кретиничности ситуации.

– Короче, надо мне извиниться, – сказал я. – Такие дела...

– Его зовут Егор, – сказала мать Гобзикова.

Егор. Редкое имя, подумал я. Егор-забор. Егор Гобзиков отсутствует дома.

– Егор, я знаю, – сказал я. – Где он, собственно?

– Он... – Мать Гобзикова задумалась.

И, видимо, крепко задумалась, постояла с минуту, затем раз – и закрыла дверь перед моим застывшим от удивления носом. Не, я понимаю, у меня у самого со старым вечные бодания, но чтобы так...

Крапива какая...

– Спасибо, – сказал я.

Из квартиры слышались стучающие звуки. Через ровные промежутки времени. Бум. Бум. Бум. Тишина. Бум. Бум. Бум. Провинциальный сюрреализм.

Я постоял какое-то время, послушал, как она там мистически бумкает, потом спустился по средневековой лестнице и вышел на улицу. Неприкаянный, как Штирлиц.

В Берлине весной.

Шпанюки перебрались с песочной кучи на мой мопед. Весело раскачивались на сиденье, гудели, жужжали, библикали, дрыгали конечностями. Я хотел было их шугануть, но передумал. Такая шпана все всегда знает.

– Эй, Шумахеры, где тут Егора можно найти? – спросил я.

Тот, что сидел за рулем, молча махнул рукой.

– Подножки не поломайте, а то накажу, – сказал я и двинулся в указанном направлении.

Сарай был похож на сарай. Серый, покосившийся, сляпанный кое-как из горбыля, в духе классических сарайных традиций. Вокруг в геометрическом порядке располагались аккуратные грядки, по причине ранней весны вскопанные, но по той же причине ничем еще не засеянные. Дверь была открыта, внутри что-то гудело.

Я с нарочитой небрежностью приблизился ко входу, заглянул. Ничего не увидел, после дневного света сарай казался черной дырой.

– Эй, – позвал я, – ты здесь?

Внутри кокнулось что-то стеклянное, потом еще просыпалось что-то. Потом стало очень тихо.

– Эй, – снова позвал я, – Егор, ты здесь?

– Здесь, – не приветливо отозвался Гобзиков.

– Я это... войду?

Пауза. Мне представилось, что сейчас Гобзиков стремительно готовится ко встрече со мной. Точит нож, закрепляет сверло в патроне дрели, накаляет паяльник. Или раскупоривает бутылку с концентрированной соляной кислотой.

Готовит холодный прием.

Гобзиков не отвечал, пауза тянулась, я спросил:

– Так я захожу?

– Заходи.

Я вошел, глаза привыкли. Внутри сарай выглядел гораздо интересней, чем снаружи. Конечно, не моя труба, но все же.

Стены были оклеены обоями с пальмами и другой еще чунга-чангой, с потолка свисали лампы разных конфигураций, весь пол завален старыми телевизорами, радиоприемниками, утюгами, другой электрической и не электрической домашней утварью. Просто кладезь разного добра. В центре этих россыпей имелось расчищенное пространство, в этом оазисе порядка кособочился стол, сваренный из толстых железных листов.

На столе стоял аппарат, одновременно похожий на телевизор без экрана, спиртоперегонный куб и модель радиолокационной станции. Из аппарата торчали провода, лампы, диоды, триоды и какие-то другие электрические штуковины. Пахло паленой канифолью, хороший запах.

Над столом на специальных растяжках висела карта. Пожелтевшая бумага, старая вроде как. А правый нижний угол и вообще сожжен.

Самого Гобзикова не видно. Я даже подумал, что Гобзикова по случаю завалило всем этим старым электронным барахлом и он валяется где-то гнусным тупым трупом... Хотя как он может быть гнусным трупом, если я только что с ним разговаривал? Судьба, к сожалению, не преподнесла мне такого роскошного подарка, как труп Гобзикова, – что-то скрипнуло, и из-под стола появился Егор Гобзиков. В добром здравии. На меня он не смотрел, смотрел в сторону, отсвечивал фонарями – я ему два роскошных фонаря вlepил.

Драчуном Гобзиков оказался очень паршивым. Даже я смог его побить. И с такими разрушительными последствиями к тому же. Ну, для Гобзикова, конечно. Я ему, кажется, зуб даже выбил, кровь, во всяком случае, шла. Впрочем, сам виноват. Чего кидался? Не надо было кидаться.

Я почувствовал, что во мне начинает свою разрушительную работу совесть, надо было заглушить ее немедленными разговорами.

– Привет, – сказал я.

– Ну, привет, – настороженно буркнул Гобзиков.

Как будут при встрече вести себя здорово подравшиеся люди? Есть три варианта.

Самый вероятный. Проигнорируют друг друга злобно.

Самый невероятный. Подерутся еще разок.

Вариант средней вероятности, но тоже встречающийся. Постараются сделать вид, что ничего не произошло.

Видимо, Гобзиков решил действовать по средней вероятности. Делать вид. Я против ничего не имел, в конце концов, мне Гобзиков ничего плохого не сделал, а ненавидеть человека потому, что он уродец...

Тогда всех вообще надо ненавидеть.

Но я не Чепрятков какой-нибудь там, я сказал средне-дружелюбно:

– Ты чего на занятия не ходишь?

– Болею, – буркнул Гобзиков.

– Чего?

– Давление поднялось. Освобождение дали.

– Понятно... – протянул я. – Вегетососудистая дистония. Я тоже ею болел, так мне старый все мозги... достал, короче. Тебя твоя тоже достала?

Гобзиков не ответил.

– Она там у тебя стучит чего-то... – сказал я.

– Стучит?! – Он напрягся.

– Ну да... Орехи, похоже, колет...

– Я сейчас... Ты подожди, я сейчас...

Гобзиков прошмыгнул мимо меня, я остался один в сарае. Станный тип этот Гобзиков. А кто сейчас не странный? Время такое. Время для странных, странное время. Взять того же мистера Шнобеля. Все время вертится перед зеркалом, все время ему кажется, что у него что-то не так... А Халиулина? Говорят, у нее дома живет настоящий крокодил. Приходят гости и путают, где крокодил, а где Халиулина.

Ха-ха-ха.

Шучу, конечно, Халиулина ничего девушка, даже симпатичная. А вот Зайончковская вообще – надо срочно лечить – верит в презумпцию невиновности. Бывает же такое.

Чепрятков... Чепраткова надо было обработать гамма-излучением еще в раннем детстве. После чего научить клеить в дурдоме коробки. Тогда бы от Чепраткова была большая человеческая польза...

Появился Гобзиков. Гобзиков выглядел уже лучше. Напряг с него соскочил, во всяком случае. Правда, по щеке тянулась тоненька царапинка, но мало ли где человек мог поцарапаться?

Хотя какая мне разница.

– Хорошее тут у тебя местечко, – сказал я. – Сам строил?

– Ну, да, – кивнул Гобзиков. – И отец еще строил. И брат.

– Понятно, семейный бизнес, значит. А это что? – Я указал на аппарат.

– Да так... – отмахнулся Гобзиков. – Думал, получится...

– Это же приемник? Радиоприемник. Ты что, радиолубитель?

– Не... – Гобзиков даже улыбнулся. – Это брата. Я не умею. А пока время есть, решил вот... С кем-нибудь хочу попробовать пообщаться по нему...

– Зачем? – спросил я. – Можно же по Интернету вполне.

– По Интернету неинтересно, это совсем другое. Ты на сеансе связи присутствовал?

– Не...

– Приходи как-нибудь.

Я поглядел на Гобзикова. Серьезно он или нет? Я бы никогда себя не стал приглашать. Ни на сеанс радиосвязи, ни на сеанс спиритизма, ни вообще. С собой так тоскливо. К тому же мы подрались. И даже если мы сейчас разговариваем, это не значит, что мы помирились. Зачем он тогда меня позвал? Что-то нужно, значит. Что ему может быть от меня нужно...

– По Интернету совсем не то, – повторил Гобзиков, – Рэй Брэдбери вообще только на печатной машинке работает, без компьютера.

– Почему это? Он же богатенький, неужели денег на комп нет?

– Говорит, что компьютер убивает все волшебство, – объяснил Гобзиков. – А машинка волшебство не убивает.

– Ясно... – Что говорить дальше, я не знал.

Гобзиков тоже, кажется.

Я принялся разглядывать сарай во второй раз. Как приступить к извинению – фиг знает. Но извиняться надо. Разглядывал, разглядывал сарай, а потом снова остановился на карте.

Я вдруг понял, что местность, изображенная на карте, мне совершенно незнакома. Я разбираюсь в географии – я же летчиком хочу стать. Или астрономом. Наверное, все-таки летчиком, династия, однако... А летчик должен хорошо разбираться в географии.

И вообще, мать хотела, чтобы я развивался всесторонне, и, когда мне стукнуло три года, в столовой была повешена карта мира. Карта была большая, на всю стену, я смотрел на нее, и мне всегда не верилось, что весь этот мир существует. Я думал, как бы я чувствовал себя, находишься я где-нибудь в Гренландии, или на Огненной Земле, или на острове Пасхи.

Каждый день я изучал карту мира. Девять лет подряд. И за это время в географии я стал рубить изрядно, Швецию от Швейцарии отличить мог. Карта на стене сарая Гобзикова меня заинтересовала. Выполнена оригинально. В стиле старых средневековых карт. Где в левом верхнем углу роза ветров, в правом верхнем углу бог ветра с надутыми щеками, посередине океан, кишат левиафанами, кашалотами, гигантскими кальмарами и другими морепродуктами. Агрессивный такой океан.

На этой карте океан тоже был. Только он был не вокруг, а в центре. Не озеро, а именно океан – об этом свидетельствовала соответствующая надпись готическим шрифтом.

И чудовища на ней тоже были. Я опознал динозавров (динозавря мелочь, такая все время рисуется в комиксах, откусывает там головы немцам с грустными лицами), опознал больших толстых змей. Другие тварюки были мне незнакомы, видимо, порождение фантазии картодела. Что-то вроде дракона или птеродактиля. Нарисовано все, причем в деталях, очень красиво, с большим художественным талантом.

Как живые зверушки были, разве что не соскакивали с бумаги.

Кроме фауны, на карте присутствовали обозначения лесов, пустынь, рек, каких-то поселений, болот. Довольно подробная карта.

Подробная карта чего-то. Нижний угол сожжен, я уже говорил. А в левом верхнем углу вместо розы ветров меч.

Этот меч меня заинтересовал, красиво нарисован был очень.

Впрочем, может быть, это был вовсе и не меч, а шпага. Я видел такие по телику в исторических передачах. Пробойник или что-либо в этом духе, хотя лезвие достаточно широкое. Такое ломает любую броню, прорежет любые кишки.

И рукоятка интересная. Кашалот, вцепившийся в шею морскому змею, змей, кусающий кашалота.

– Интересная штука, – сказал я.

– Семейная реликвия, – ответил Гобзиков. – Это мой дед нарисовал. Передал отцу, а отец спрятал. А я нашел.

– Что за местность изображена?

– Не знаю. Мне кажется, это какой-то остров. Хотя в центре написано, что тут океан...

А может, это озеро просто так называется...

– Твой дед был художником? – Я пощупал краешек карты.

– Не...

Карта была нарисована на плотном материале, не на бумаге. Может быть, на коже или на пергаменте. Хорошая вещь. Сейчас такие делают в Китае, типа раритеты, типа антиквариат, дорого стоит...

– Глупо спрашивать, – сказал я, – ты только не обижайся...

– Не обижусь.

– Не продашь эту штуку? Она мне нравится, я бы ее на стену повесил где-нибудь, у себя. Гобзиков отрицательно покачал головой.

– Видишь ли... – Гобзиков наклонил голову. – У меня с отцом...

– Тоже проблемы? – сочувственно спросил я.

– Ну, как сказать...

– Мой просто урод. А твой... ноги дал?

– Не. – Гобзиков смотрел на карту. – По-другому вышло. Он с ума сошел.

– Расскажи, – попросил я.

Мне почему-то захотелось послушать гобзиковскую историю. Я вдруг почувствовал, что мне с Гобзиковым как-то просто. Даже несмотря на то, что мы вроде как подрались. Хотя он, конечно, урод изрядный.

Неожиданно Гобзиков рассказать согласился, забрался на верстак и дал повествование.

Отца он помнил плохо, а лицо так и вообще забыл. Отец был каким-то необычным. Все время сидел в своей комнате, чем-то занимался, а чем – никто не знал. Отец никого к себе не пускал, иногда выходил курить на балкон, и все. А перед тем, как выйти, всегда запирали свою комнату на ключ.

И брат у Гобзикова был. Тоже странный. Все время думал о чем-то, мечтатель этакий. Гобзикова брат любил, катал все время его на закорках и учил запускать змеев. А отец вот Гобзикова любил меньше, чем брата, а брата (его звали Глеб) любил очень. Все время с ним разговаривал. Так и жили себе потихоньку.

Иногда мать и отец ругались. Ругались долго, со слезами и битым стеклом, Гобзиков плакал, а Глеб нет, он умел мирить родителей, при нем отец не ругался.

А потом отец куда-то пропал. Мать не стала рассказывать, что отец полярник или летчик, или то, что он пропал без вести. Мать рассказала, что отец от них ушел. Но в комнату отца все равно входить запрещалось, она была закрыта на замок.

А Глеб сказал, что отец не просто ушел. Гобзиков пытался выяснить, как это – не просто ушел, но Глеб ничего не объяснил.

Однажды зимой отец неожиданно вернулся. Глеба не было дома, он в школе был. Отец с Гобзиковым не поздоровался, проследовал сразу к себе в комнату. Гобзиков очень испугался. Из-за двери ничего не было слышно, так продолжалось довольно долго.

Отец вышел через час. В одной руке у него был молоток, а в другой банка с гвоздями. Отец уселся в большой комнате и принялся вбивать гвозди. По кругу, вернее, вокруг себя. Десятки гвоздей, сотни гвоздей. Вбивал и вбивал, целый частокол гвоздей. И делал все это молча и сосредоточенно.

Гобзиков испугался окончательно и спрятался в чулане.

Скоро прибежала мать, а с ней врачи. Они связали отца и увезли, и Гобзиков больше никогда его не видел. А мать ему все рассказала. Оказывается, отец Гобзикова был сумасшедшим. Он испытывал какую-то секретную военную технику и там сошел с ума. Правда, он был спокойным психом, но потом что-то случилось и отец начал бузить. Через год или через два после того он умер, и где-то его похоронили.

С того времени Глеб стал молчать еще больше, а с Гобзиковым почти не играл. И как-то Глеб, когда матери не было дома, взял и открыл комнату отца.

Они нашли в этой комнате карту. Много вариантов этой карты.

– Эта – самая лучшая. – Гобзиков снова потрепал карту за уголок. – Остальные были недоделаны, а эта почти готова. Так что это не карта какого-то места, это карта безумия моего отца. Не могу продать, извини.

– Ясно, – сказал я. – А что с братом? Он чего-нибудь понял в тех картах?

– Понял, – ответил Гобзиков.

А больше ничего он не сказал.

– Ясненько, – сказал я. – Но если надумаешь кому-нибудь загнать...

– Буду иметь тебя в виду.

Я улыбнулся. Мы с Гобзиковым разговаривали, как два распоследних французских аристократа. Это было забавно. А история его была какая-то странная...

Иногда, когда я был еще маленький, взрослые рассказывали на кухне страшные истории. Про людей, которые выходили вынести мусор и не возвращались уже никогда, и их потом вообще не находили. Или про порчу. Как от женщин уходили мужья к гораздо более молодым женщинам, а брошенные женщины, чтобы наказать мужей, проклинали их и с этими мужчинами случались разные страшные вещи.

В рассказе Гобзикова тоже было что-то такое, странное. Какая-то мрачная таинственность, что ли, или еще что... точно я не понял. Да и внимания как-то не обратил.

– Кстати, и дедушка мой этим занимался, это уже потом выяснилось. Карты рисовал. Он летчиком был...

– Летчиком?! – удивился я.

– Угу. На «Як-3» во время войны летал.

– А мой на «Ил-2».

– Твой тоже был летчиком?!

– Да... – кивнул я. – Только у меня не дед, а прадед.

– Жаль, – усмехнулся Гобзиков. – Жаль, что никого рядом нет, а то можно желание было бы загадать. Твой жив?

Я покачал головой. Прадедушка мой не был жив. Гобзиков разговорился.

– Мой тоже. Его в сорок втором в летное училище отправили, потому что он успел один курс в институте отобучаться. У него до войны увлечение было – топография, поэтому в летное и взяли – на местности сверху хорошо ориентировался. Причем он не просто ориентировался, у него талант был – посмотрит на любую местность, даже просто так посмотрит, не сверху. И уже карту может нарисовать. С точностью до полуметра почти. Ему было девятнадцать лет, когда он пропал.

– Пропал?

– Ну, без вести пропал, – пояснил Гобзиков. – Это все равно что погиб. Даже самолет не нашли. В болото, наверное, свалился. Тогда многие без вести исчезали, война, ничего не поделаешь. Знаешь, что самое интересное?

– Что?

– К нам потом после войны приезжал боевой товарищ деда, его ведомый. Документы привез, ордена. Так вот, этот летчик рассказывал, что дед записи делал даже во время боев. Другие летчики после боя расслаблялись по-разному, а дед все время что-то чертил и высчитывал. И еще товарищ деда рассказал, что дед был прирожденным истребителем. Валил немцев направо-налево, ему даже хотели Героя Советского Союза дать. Недолго это, правда, было...

Гобзиков раскошегарился. Даже руками стал размахивать, изображая, как его дед сбивал ястребов Геринга. А я думал. Мне было о чем подумать. Раньше мне никто не встречался, кто хотел бы стать летчиком или у кого родичи были бы летчиками. Ну, старого я в расчет не беру, а так никто не встречался.

Вообще таких случайностей не бывает, конечно...

– Недолго дед летал только, – сказал Гобзиков.

– Почему?

– Товарищ рассказывал, что дед как-то необычно летал. Вроде как он по-особому маневрировал, гораздо эффективнее, чем все остальные. Немцы его боялись очень, называли Смерть-Иваном. А потом на их участке фронта появился немецкий ас. И в первом бою он положил на землю шесть наших самолетов. А во втором бою еще четыре. Немец летал на черном «Ме-109», и мой дед решил его завалить. Он вылетел на патрулирование и просто не вернулся. А черный «мессер» еще несколько раз появился, потом исчез, его потом видели на других участках.

– А моего сбили во втором полете, – грустно сказал я. – Даже полетать не успел...

– Точно по статистике.

– Как это?

– По статистике в середине и начале войны пилоты «Ил-2» совершали только два боевых вылета – один первый, другой последний. Единицы только смогли дожить до Победы...

Гобзиков поглядел на карту. Я вдруг понял, что совершенно забыл, зачем к нему заявился. Неожиданно оказалось, что мне с Гобзиковым интересно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.